

Бекен ЫБЫРАЙЫМ
ТАЙНА СЛЕДОВ
(Приключения юного следопыта)

Продолжение. Начало в № 3, 2026.

Глава VII
Что они вдвоем задумали? Начальник-повелитель.
Могут быть еще поручения. Кинжал.

Безвестный мужчина с темно-серым лицом, выровняв направление своего движения по звездам, ожившим в очищенном от облаков черно-бархатном небе, мерцавшим, подмигивавшим розоватыми лучистыми отблесками, и Путеводной звезде, протянутой ковшом по небосводу, все еще не мог избавиться от смутного сомнения, что недавно обдало холодком его тело и все еще таилось где-то в глубине сознания. И словно желая освободиться скорее от него по пути, припустил рысцой и долго неся по привольно раскинутой широкой степи, похожей на разостланный неким волшебным существом темно-зеленый ковер.

С утренними блеклыми лучами он добрался до дома начальника-повелителя. Собака залаяла, неистовствуя, готовая сорваться с цепи, но свет в доме не зажегся. Со скрипом, настороженно отворилась внешняя дверь, и вышел начальник, шаркая надетыми на босу ногу ботинками. Подойдя к воротам, негромко прокашлялся, — это он дает знать о себе. Не открывая ворот, заглянул в узкую щель и спросил:

— Все исполнил? — короткий, сдавленный сип тут же прервался, словно застрял в жировых складках короткой, толстой шеи, и снова всхрипел: — Знал, что придешь в это время, потому и не спал, ждал.

Явившийся был изумлен: «Он что, ясновидец, откуда знает, когда я приду? Или кто-то следил за мной в глухой степи через бинокль и сообщал ему по радиации? Может, у него был поганый расчет и на то, что в случае, если меня обнаружат какие-то неизвестные или чабаны, во тьме не разберут кто, подумают, что вор, и застрелят... Тогда свидетелей не останется. Пропадут и они, и я пропаду. Где гарантия, что именно это он и не замыслил?»

Разгневанный, он высказал свое подозрение начальнику, но тот только крякнул — смеялся или кашлянул, не понять.

— Точно так, — отвечал начальник-повелитель. — Теперь осталось одно из двух. Либо он должен победить, либо мы. Здесь нет места компромиссам. Даже если мы отступим от своего и пойдем на примирение, он — самый что ни на есть несговорчивый упрямец. Живет по принципу: «Как я сказал, так и будет!» Раз уж начали, доведет дело до конца. А если не сможем довести до конца, почитай — мы пропали.

— Что-то не вижу я пути, по которому можно дойти «до конца».

— Не дергайся... Теперь... — начальник-повелитель замолк на секунду. — Вот-вот... не верил я, что он сумеет выскользнуть из расставленного капкана. Но есть способ... Его и осуществим.

Человек с темно-серым лицом почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

— Когд-да? — спросил он недовольно, брезгливо поморщившись и едва не скрежеща зубами: — Когд-да?

– Ты пока не спеши. – Начальник стал загибать пальцы, что-то высчитывая. – Один, два, три... Примерно с неделю у тебя есть. К тому времени и сам отдохнешь, и лошадь твоя наберется сил.

Человек с темно-серым лицом промолчал.

– Я, кажется, порядком извел тебя, ты не держи на меня зла, – добавил начальник-повелитель, соорудив виноватую мину. – Ты знаешь, что не ради одного себя стараюсь... Что же делать-то? – деланно опечалился. – Если я его не уничтожу, он сведет в могилу меня. В огромной стране живем – в Казахстане. Земли хватает, вон она – скажи сколько угодно, до края не доскачешься. Но есть такие прохвосты, которым не спится, когда другим хорошо, вот они-то и портят всем жизнь.

– Зачем им портить твою жизнь? Вряд ли у них есть такие планы.

– Об этом потом как-нибудь расскажу. Ну, ты иди, спасибо, что не отказал в просьбе. Говоря по-честному, на самом-то деле наши цели связаны теперь неразрывной цепью. Если выполнишь поручение, получишь, что хочешь. И я буду спокоен.

– Договорились.

Человек с темно-серым лицом хотел повернуться, чтобы уйти, но начальник снова жестяным охриплым голосом тихо откашлялся:

– Под-дожди-ка, – прошептал он. – Иди сюда, поближе. Да подойди же ближе! Вот, возьми это. Пусть будет памятным подарком от меня. Пригодится, небось.

Сунул ему в руку что-то, глубоко вложенное в кожаные, удобные для рук ножны. Всадник рассмотрел подарок и слегка удивился, но ничего не сказал, сунув ножны за длинные голенища громадных своих сапог.

«От предков в наследство досталась эта штука ему или нашел способ присвоить чужое добро? Такие вещи сейчас днем с огнем не сыщешь. Сразу видно, что кинжал дорогой, изготовлен с ювелирным мастерством. В прежние времена за такой легко бы отдали коня, – подумал он. – Смотри-ка, начальник-то порою бывает щедрым, а?.. Или все же хитрит, подлец, а кинжал – часть задуманной им очередной каверзы?»

Удаляясь от дома начальника-правителя, человек с темно-серым лицом не переставал размышлять над неожиданной щедростью шефа. «Близким людям обычно не дарят ножей, кинжалов. Скорее всего он действительно хочет натравить меня на какое-нибудь пакостное дело... Или же...»

Глава VIII

Пугающее затишье. Среди безмолвных барханов. Как спастись?

Саян направил взгляд вперед, словно ожидал увидеть кого-то, кто может спасти его от утомительно однообразной безлюдной степи. Там, в некоторой дали, тянутся до горизонта желтые барханы, облитые жестким светом рассвета. Они словно возлежат в гневливом ожидании, напыжившись от злобы и готовые повергнуть жестоким испытанием любого, кто посмеет вступить в их песчаное царство. «Считаешь себя сильным? Так мы во сто крат сильнее! Попробуй, преодолей нас, мы ждем!»

От клубов пыли, поднятых овцами, у Саяна першило в горле, он отошел несколько в сторону от отары и снова бросил взгляд на серебристо-сизые волнистые барханы. Недавнее видение, промелькнувшее в маревой дали, было, похоже, обманом зрения. Он еще раз взглянул – впереди замелькали мертвые песчаные бугры, тянущиеся один вслед другому. Казалось, что это выступающие над песчаной равниной хребты древних гигантских тварей.

Бесчувственно бледные холмы удалились еще дальше к горизонту, и взгляд едва доставал их. От долгого напряженного всматривания у Саяна заболели глаза и отяжелели веки, что было неприятным открытием для него. Едва различимый горизонт утонул в зыбком голубовато-розовом мареве, а лишённые признаков жизни холмистые возвышенности уходили тянущимися волнами вдаль, будто желая растворить и поглотить и без того скудные краски доступного взору пространства.

Вид застывших в свинцово-хмуром безмолвии устрашающе безбрежных песков невольно наводит на мысль о несокрушимом и зловещем стремлении песчаного океана поглотить все живое в свои цепкие объятия и безвозвратно подчинить себе. Безбрежное, без конца и края песчаное царство с его несчетными, нависающими один на другой и тянущимися в неоглядные шири барханами похоже на сказочного дракона, от которого, если уж ты вторгся в его владения, нет спасу, и сколько бы ты ни трепыхался из последних сил и на последнем издыхании, он легко проглотит тебя одним глотком своей безразмерной пасти и продолжит лежать, глядя вокруг бездушно холодным взглядом. Ему ненавистна всякая живая тварь, посмевавшая нарушить его покой, и он глядит на всех с надменным презрением.

Вот понуро бредут, едва передвигая ноги, те, кто не по своей воле входит в это сереющее, неохватное взглядом пространство, похожее на драконову пасть. Нет ни дуновения ветра, ни жаворонка, вспархивающего изредка и воспаряющего в знойное небо стрелой, ни желтокрылых майских жуков, неугомонных в поисках прокорма, ни комаров, появляющихся неизвестно когда и неизвестно откуда, ни мерцающих мошек с кривыми и тонкими, как волосок, усиками. Нынче тут лишь два могущества. Одно – испепеляющее весь поднебесный мир солнце, второе – возлежащие с первобытных времен надутыми буграми свирепые песчаные барханы.

Вырваться из оков отчужденной, угрюмо молчащей бесконечности немислимо. Вокруг – маревая необозримость, меняющая свой цвет вместе с положением небесного светила – то белесая, то дымчато-сизая, а то и вовсе неразличимая. Глухое постукивание копыт приелось так, что почти перестало слышаться, будто исчезло напрочь. Знать бы Саяну, что он вступает в зияющий бездонный мир, где бездвижно сомлели небо и земля, люди и животные, – может, он остановился бы и попросил помощи... у небес, что ли. Где и когда сей, никогда прежде не виданный – ни в жизни, ни в кино, сумрачно-серый мир навредит тебе своим непредсказуемым и оттого еще более коварным характером и беспричинно люющей ненавистью? Этого никто не может сказать.

Невообразимо чуждая, таинственная тишина. До сей поры не приходилось подмечать, как, словно в пекле, жара разжижает и вытесняет напрочь любые, помимо монотонного стука копыт, звуки, и даже едва слышимое шуршание в виде отголоска на вдруг приблудившееся слабое дуновение ветра не в силах выжить в бездушных обручах жуткого безмолвия.

В воздухе ощущается тревожное предчувствие, кажется, что, если кто-то вдруг сейчас громко крикнет, бездонная застывшая тишина, переполнив собой все пространство между небом и землей, вдруг разорвется, расколется пополам и рухнет, накрыв собой навечно все и вся. И глухая степь, словно чувствуя это, боязливо молчит, не рискуя шевельнуться.

Между тем овцы и козы, вынужденные тащиться, разгребая мозолистыми копытцами тяжелые пески и по живот утопая в них, ведут за собой самих погонщиков, медленно и неотвратно загоняя их в пасть безмолвствующего дракона пустыни.

Саян, впервые осознавший, какой устрашающей может быть тишина, вновь оглянулся по сторонам – голые возвышенности глядели на них удивленным

взглядом, словно не верили, что эти едва переставляющие ноги живые твари направляются к ним по собственной воле. По слегка ожившим бледно-серым бокам барханов пробежали легкие желтые тени вперемешку с нежными, блекло-лиловыми оттенками. И по мере движения их вперед щедро разлитые вокруг утренние краски принимали шелковисто-желтые, нежно-розовые тона, все больше сгущаясь и распространяясь вокруг.

Вскоре в отвергающем все живое холодном облике песчаных холмов обнаружили проблески робкой признания. Они смотрели теперь потеплевшим взглядом, словно были благодарны людям за то, что те внесли признаки жизни в их скучное существование. Саян обернулся назад и увидел медленно поднимающийся золотой диск солнца. Все волшебные изменения в безграничном море песка начинают происходить благодаря ему, божественному солнцу – оно окрашивает тусклый облик иссохшей пустыни в нежно-блеклые, шелковистые тона; оно оживляет навеянные ветром гряды холмов прозрачными волнами марева, оно возвеличивает золотыми лучами громады серповидных барханов и уходящих за горизонт бархатно-рыжих дюн.

Саяну показалось удивительным зрелищем, как недвижно ползет вверх оживший вдруг солнечный шар, добродушно глядя на него сверху, словно старый добрый знакомый.

– Мы, кажется, оказались в пасти пустыни Куланшуль? Да, ага? – спросил Караман, облизнув иссохшие и растрескавшиеся губы. – А этих не видать.

– По моим расчетам, они должны были дойти до здешних мест и перевести дух.

– Каждый год мы так делали, непонятно, почему нынче все иначе. – Караман поджал губы, словно имел в мыслях некое страшное подозрение, которое и высказать трудно.

– Кажется, и до них дошел приказ, – сказал старик Ахмет раздумчиво, легко подстегнув гнедого с подпалиной.

Караман не очень понял:

– Какой такой приказ?

– Да Шахана приказ, чей же еще.

– Что за приказ, о чем?

Старик улыбнулся:

– Помнишь дорогу, которая поворачивает с Кароя сюда?

– Ну...

– Думаю, что этот придурок Шахан специально наведалься туда и приказал быстрее гнать отары. Иначе чабаны в любом случае переночевали бы тут, я же прекрасно знаю их привычки. Однако... – Старик замаялся. – Кто знает, какие еще препоны нас поджидают. Нужно быть готовыми ко всему.

– Э-э, теперь я все понял. Боялся, как мы можем их догнать. В таком случае они ушли далеко вперед. – Караман приуныл и нахмурился. – Неужто нам конец?

– Бог знает... – Старик Ахмет насупил брови.

Глава IX

Опасное путешествие. Страхи и риски. Кто погибнет?

Дедушка невесел. Его запыленные ресницы стали похожи на посеревшие иголки колючек. Неужели и вправду не найдется способа выйти из пасти этой пустыни-дракона в целости и сохранности? Или им всем суждено погибнуть тут, изжарившись на солнце? Скукожившись, как кожа сырмятная... Неужели?..

– Что теперь будем делать? – хмуро спросил впавший в уныние Караман, не обращая внимания на чересчур замедлившего шага коня.

– Будем идти, пока живы!.. – упрямо заявил старик Ахмет, неожиданно разгневавшись.

Караман резко обернулся к нему, словно не верил ушам:

– Как так?! Не попытаемся что-нибудь придумать?

– Что ты хотел сказать?

– Вы с Саяном на верблюде возвращайтесь в аул. Завтра или, может, послезавтра как-нибудь доберетесь. А потом вернетесь, пригнав с собой водовозную машину, вот и все. Три-четыре дня я как-нибудь потерплю, не помру небось. Если не найду воду, зарезу одного барашка честь по чести и напьюсь его крови.

– Это – последнее, на что можно пойти... Однако... от этого плана польза нам вряд ли будет, – задумчиво произнес старик. – Пока мы вернемся, от жары и жажды погибнет немало овец. Выдержать такой зной в песках им не под силу. Уверен, что останешься один как перст с голой палкой в руках посреди бескрайнего песка? Только бог знает, сколько дней понадобится, чтобы мы дошли до аула и вернулись с водой. И хорошо еще, если там дадут машину: «Нате вам водовоз, поезжайте!» А вдруг машина сломана или уехала к другим чабанам? Мало ли какие причины найдутся, чтобы только не дать нам ее!.. Еще нас самих и обвинят: «Провозились в ауле почем зря, когда другие уже отправлялись в дорогу. Знали, что каждый год в это время переезжаем, специально протянули время!» Не позволю, чтобы про меня говорили: «Погубил скот из вредности. Несчастливым, никчемным оказался человеком!» Чем позориться перед людьми и потерять честь, я лучше сгину в этих песках. Пусть мои кости останутся на обглодание степным хищникам. Никуда я не пойду. Не бойтесь. Вас двоих посажу на верблюда и отправлю в аул, а сам останусь тут. Если придется жевать песок, буду жевать, а ежели суждено изжариться в пустыне, то перенесите мои кости в аул и похороните там! – Старик, непонятно почему, говорил, все больше распекаясь и злясь.

Саян вдруг подумал: «Неужели дедушка на жаре ослаб головой?»

– Бросьте, ага, я не могу вас оставить одного. У вас дети, внуки есть, вы им нужны. А вот я – кому я нужен-то? – Караман вдруг свесил голову и зашмыгал носом. Затем заговорил с сердцем, стиснув зубы: – Кому нужен такой подкидыш, выросший в детдоме? Жены нет, детей нет, родителей, которые бы беспокоились обо мне, нет, кому нужен такой скиталец, как я, без роду без племени, все равно что бродячая собака? Кому? Кому?!

Слова переполненного обидой на судьбу Карамана до боли в сердце отозвались в душе Саяна, все у него внутри занялось пламенем от жалости и бессильного сострадания. Караман ему виделся ни о чем не думающим, неглубоким и беспечальным джигитом, беззаботным, не знающим тревог волевым человеком... А оказалось, что все его страдания и душевные раны сокрыты внутри. То, что вывалось у него сейчас из груди, разве это не слова сильного духом мужчины, сумевшего спрятать в глубине души все свои горести?! Как говорит дед, «различия у скота снаружи, различия людей – внутри». Хорохорящийся Шахан никогда бы не пошел на такой мужественный поступок, а вот Караман... он готов рискнуть и принять смерть, чтобы выручить их из беды.

– Слушай, сынок! Прекрати городить чушь! Чтобы я не слышал больше от тебя таких слов. Я что, только тебя увидел? Ты молод, вся жизнь впереди! – сердито отчитал Карамана старик. – «Семь бед – один ответ». А слезы мужчине – как ишаку седло. Ты чего нюни распустил? Дождя нет, а ты промок уже. Хватит бесполезных разговоров, сейчас же садитесь на верблюда и по утренней прохладе поезжайте в аул. И идите напрямик к директору, а не к Шахану. И оттуда или с почты позвоните в районный комитет партии. Не один, так другой возьмет трубку. Сообщите обо всем случившемся.

– Охо, это вы хорошо придумали! – Караман обрадовался. – Если в районе узнают, сразу вертолет выплют.

– Ну прям, там для тебя вертолет наготове стоит. Какой вертолет? – зло усмехнулся старик Ахмет. – Ты слышал, чтобы вертолетом воду таскали? Хорош балаболить, идите, пока не напекло. А то, чего доброго, и вы по пути наткнетесь на какую-нибудь неприятность.

– Нет, ага, я не согласен, – Караман, успевший наскоро обдумать предложение старика, покачал головой, не поднимая глаз. Старик опешил от неожиданности и с оскорбленным видом обернулся к нему. Во впалых глазах его сверкнули огоньки возмущения. «Что такое? Как ты смеешь не подчиняться?» – читалось на вопрошающем лице.

«Дед хочет принести себя в жертву ради нас, – приуныл Саян. – наверное, думает: “Все в жизни повидал – и радость, и горе горькое. Чего ради я буду цепляться за жизнь!..” Но как мы можем оставить его одного? Вот и Караман упорствует – категорически против. Тот, кто покинет это место, спасет свою жизнь, а тот, кто останется, лишится ее. Погибнет. В этом нет сомнения. А как я оставлю их двоих и уйду? Или среди нас троих я самый трусливый, самый слабый? Как я могу бросить деда в лапах смерти? Нет, лучше умру, но буду рядом с ним! Ни за что его не оставлю! Пусть с неба посыплются камни вместо дождя, пусть разверзнется надвое земля, не брошу деда!» Без колебаний приняв это решение, он тут же почувствовал, как новые силы вливаются в него волнами.

– Ага, я тоже не уйду. Останусь с вами, – сказал Саян с воодушевлением.

– Прекрати, что за глупость! – Старик Ахмет вперился взглядом во внука, словно впервые увидел его. – Думаешь, пески Кулашоль игрушка?! Рисковать в таком случае смерти подобно. А вы тут кривляетесь, героев из себя строите: «мы општанемся, мы општанемся». Не морочьте мне голову и уходите. Как будто я не хочу, чтобы вы были со мной. Но иного выхода нет.

– Нет, ага, я не могу согласиться с вашими словами. Я моложе вас, а значит, и выносливее буду. Вы с Саяном уезжайте. – Караман крепче сжал в руках поводья, давая понять, что настроен решительно и его не отговорить.

– Выходит, послушались? – Старик вдруг рассердился всерьез. – Ну, тогда получайте по заслугам! Поехали! – Щелкнув кнутом, он со свистом стеганул по воздуху.

Глава X

Призрак смерти. В объятиях невидимого огня.

Горят ли пески? Мертвая долина.

Они прошли некоторое расстояние ходким шагом по утреннему холодку, но с восходом солнца резко сбавили темп – обретшая силу жара властно подмяла под себя все это песчаное раздолье. Неоглядное пространство, нависшее над головой и протянувшееся до самых едва видимых глазу горизонтов, безмолвно застыло, осоловев от изнуряющей до одури жары. Отара, утомленно и понуро влачащаяся по знойной, бесприютной степи, ближе к полудню тоже сомлела окончательно и перестала даже изредка поплекивать.

Все это напоминало марш живых мертвецов, понуро склонившихся и готовых вынести любые унижения. Саян подумал было о том, что в таком виде они едва ли доберутся живыми до жайляу, как почувствовал – горячая волна ударила по телу. И кто же виноват в этом? Конечно, его дедушка, его ата! Почему? Какое отношение дед имеет к жаре и к пустыне? И скот не виноват. И почему они вынуждены вот так вот мучиться? Выдержит ли он сам до жайляу?

Порою кажется, что наступающие тебя раз за разом бесчисленные волны опаляющего воздуха будут нескончаемо долгими веками жарить на своем пекле

все живое и неживое, что по стечению обстоятельств оказалось в пределах этой наводящей ужас пустыни.

Напыженные важностью, надутые гряды барханов, подстерегающие их на пути кочевки, похожи на огромных ползущих чудовищ, которые извивами своего длиннющего песчаного тела берут тебя в кольцо, а потом молчаливо следят, заворачивая неотрывным взглядом, и кажется еще, что при этом они будто бы насмешливо вопрошают: «Ну, и как теперь вы убежите от нас?» Они же, невольно согласившиеся принести себя в жертву, по своей воле ковыляют в пасть смерти, погоняя перед собой целую отару овец... Такая вынужденная встреча лицом к лицу с замеревшим царством смерти была не благородным риском или мужественным решением старика Ахмета, а следствием вынужденной решимости и упорствующего упрямства его. Интересно, кто и когда надумал передвигаться по такой опасной, полной кошмаров дороге?... Саян спросил об этом у деда, тот недовольно буркнул:

– Не знаю, – давая понять, что не намерен тратить время на пустые разговоры.

Изредка чернеют обгорелые на солнце останки неких растений, с которых слетели и почки, и листья, похожие на колючие стебли высохшего чертополоха на старой стоянке.

Измученные долгим путем и изнывающие от жары трое, заслоняясь от солнца шляпами, продолжали движение. Ночью они набрали грязной жижи из попутной лужи, налив ее в маленькие белые фляжки через три слоя марли, а потом вскипятили полученную водицу. Но от нее не осталось и капли, все уже выпито.

Горячий суховей, изнуривший и людей, и скот, по пятам преследует их, напоминая собой бродящее среди бесчисленных песчаных барханов дыхание адского пламени. Любящее потоками из огненной пасти дракона горячие волны жары неумоимо обжигают их, трех горемык, из последних сил пытающихся выбраться из нескончаемого ряда горбатых барханов, которые неотступно следуют за ними и теснят со всех сторон. Если не успеть защититься, то жгучий ветер непременно сдерет кожу с лица своими жаркими касаниями. Пересохшие, шершавые, одеревенело сухие губы у всех троих уже не чувствовали горячего воздуха. А некто жестокосердный, неспешно поджаривающий на гигантской сковороде бедолаг, ищущих спасения, терпелив и неустанен и готов продолжать свое черное дело нескончаемо долго.

Вдруг суховей на мгновение сник, и тут же весь поднебесный мир оказался покрытым ужасной духотой, сперевшей дыхание всему живому. Рядом с этой бедой суховей оказался милым баловством природы. Горячая многопудовая тяжесть стала давить на них и сжимать со всех сторон, не давая свободнодохнуть.

– Это что за кошмар! – обескураженно заохал Караман. – Мы что, в самом деле тут погибнем?

Темно-рыжая овцематка, плетущаяся сбоку отары, задержалась было по нужде, как Караман, поддев коня ногой, бросился в ее сторону, но та, не успев закончить начатое дело, разбрызгивая бесценную жидкость на бегу, враскорячку юркнула в гущу отары.

– Жаль, не успел. – Караман досадующе хлопнул ладошкой, которую, не слезая с коня, уже подставил было под овцу. – Хотел, была не была, хлебнуть глоточек. – Приняв молчание Ахмета за поддержку, он с еще большим рвением продолжил: – Может, зарежем ягненка и разопьем его кровь в тепленьком виде, а то околеем мы тут от жажды.

– Еще чего. Хоть умри, но терпи.

Караман соорудил страдальческую мину, словно готов был разнюниться, и его задубелый на солнце и ветру темно-серый лик потемнел еще больше, досад-

ливо похмурил. Обгорелое широкое лицо его стало походить на старую кровлю давно заброшенного дома.

С небесной выси все так же нависал демонический глаз солнца, и он становился все шире и всеохватнее, все жарче обнимая поднебесье и, мнилось, с издевкой говорил: «Тут-то вам всем и конец. Чего вы там копошитесь, пустое все это, все равно изжаритесь и помрете здесь, так куда спешите-то?» И едва плетущиеся, словно тени, путники все осознаннее чувствовали приближение того момента, когда им ничего не другого не останется, как в бессилии припасть ничком к песку.

У Саяна давно пересохло в горле и першило от пыли и колючего воздуха. Он оглянулся на собак: подтянуто-худая Заула и огромный рыжий пес Мойнак тяжело дышали, далеко высунув языки. Они, конечно, тоже изнывают от жары. Свальявшиеся комья шерсти, наверное, только усиливают ее. Как же они не потеют? Сколько бы он ни всматривался в них, ни льющихся, ни сползающих по шерсти блестящих капелек пота не увидел. Они казались едва живыми существами – с ребрами из курая¹, с голым скелетом без мышц, из-за чего выглядели набитыми сеном и одетыми в высохшую кожу муляжами.

Кто бы мог подумать, что это такая мука – вставать ни свет ни заря и до рождения звезды двигаться в поход? «Я-то думал, что буду наслаждаться, резвясь на коне, увижу новые края... Хуже всего, что не высыпашешься. Стоит только сомкнуться глазам, как их заливают соленый пот и щиплет нещадно». Попросить остановиться да передохнуть не позволяет гордость. Вдруг его просьба не понравится деду, и он отчитает его: «Тебя, может, кто-то под ружьем заставил идти сюда? Не сам ли напросился? Разве я не сказал: “Получайте по заслугам!” Если не можете вытерпеть, валите!..» Ничего не остается, как терпеть и терпеть. Однако какое нужно иметь терпение, чтобы выдюжить посреди этого враждебного мира, который все сильнее и тяжелее давит на психику, едва не сводя с ума...

Посреди драконьих гряд – прозрачные мерцающие волны пламени. Это необычное место, с неповторимым обликом и чудными красками. С ранним рассветным утром пустыня бывает серебристо-синих тонов, постепенно принимая светло-желтую окраску, в следующие мгновенья она может выглядеть прозрачно-сизой, а затем бледные бока барханов разгораются огненно-рыжим цветом, чтобы постепенно плавиться в красно-розовых и лиловых оттенках. В той дали вьются обманчивые миражи, маня хрустальной водой несуществующего прозрачного озера. А рядом с тобой – омертвело-глухое, безмолвное раздолье пустынного мира песков. Небо, нависшее серо-дымчатым куполом, глядит пугающе злобным взглядом, навевая в душу страх и тоску.

В Карое и Шакамане бывает, что промелькнут в травах стрелы-змеи, и когда они, высоко задрав голову, причудливыми извивами быстро уносятся от тебя, обычной рысью лошади можешь их и не догнать. Они, эти змеи, беспечно расползаясь в кустах могильника и под пушистой листвой ароматной полыни, своими передвижениями и потаенной жизнью как бы напоминают, что и этот чудный уголок является частью большой планеты Земля. А эти пески – невиданное и неслыханное, омертвело-бездушное пространство, чуждое всему живому.

К полудню смертельно-желтые пески накаляются до предела, и вырывающаяся прозрачными клубами из-под земли жара, вкупе с неуклонно нарастающим на всем расстоянии от небес до земли горячим зноем, подобно подогретому на двойном огне казану, обжигают любые тела на поверхности, и оттого, надо думать, не видно тут змей. Мохнатые тарантулы, бурые скорпионы с серпастыми щупальцами и бархатисто-черные, шаровидные каракурты – их тоже здесь

¹ Курай – высохшие стебли травы.

вроде нет, или просто не встретились еще, но по всему выходит, что эти мрачные пески – лишенная всего живого, сугубо мертвая планета.

Глава XI

Сказочная пыль. Пляски прозрачных змей.

Саян открыл глаза и снова прикрыл. Все вокруг оказалось в маревном мире привидений, где весь окружающий мир – и пески, и люди, и скот, – то появлялись, то плыли в зыбком воздухе, то исчезали вовсе. Обступившие со всех сторон гряды барханов и дюн, по-видимому, расплавились на жаре и колеблются горячими волнами. И нелегко разобрать сходу, что это – то ли миражная озерная гладь, пред которой колышутся навеянные ветрами белые скопления песков, то ли это воздух горит прозрачным пламенем. Можно дивиться долго, как грациозные волны, неисчислимой чередой проносясь перед глазами, неустанно колышутся, ежесекундно меняя свои извивы и очертания. И вон, на необъятной поверхности песков, уходящей в необозримые дали, скользкими порывистыми движениями иступленно танцуют в чудном танце тысячи змей, свертываясь в клубочек и разворачиваясь, ужимаясь и снова растягиваясь, скользя вперед и назад. Возможно ли такое? Или у него закружилась голова и перед глазами замелькала череда невероятных видений?

Ему хочется задремать, но сон не идет. Стоит снова открыть глаза, обеспокоившись чем-то, как веки тяжелеют, и глаза смыкаются вновь. Овцы давно уж перестали блеять. Низко опустив головы, они едва плетутся, спасаясь от солнца в тени друг друга.

– Как ты? – голос дедушки был глухим, словно звук раздался из старого иссохшего кобыза.

– Средне, – ответил Саян, не желая выдавать себя.

– Похоже на то. Видно, что не больно хорошо себя чувствуешь. Потерпи еще немного. Как же тебе закаляться, если не испытаешь трудностей? Еще пройти пару перевалов, и там должны увидеть колоды, куда обычно подвозят воду для овцеводов на перекочевке. И там же есть небольшой навес – единственное сооружение во всей этой пустыне. Там должны стоять машины.

– А если не будут стоять? – взволновался Саян.

– Если не будут?.. – Старик нахмурился, не зная, что ответить на неожиданный вопрос. – Если к нам не придут машины или они уехали, вы вдвоем на верблюда отправитесь в аул. Дорогу до аула теперь выдержит только верблюд.

– Как же мы бросим вас? – Саян хотел возразить деду, но не счел это удобным.

– Обо мне не беспокойтесь. Говорят, человек может обойтись без воды семь дней, потерплю до вашего возвращения, легко не сдамся.

– Ага, я останусь, – прохрипел Караман.

– Прекрати болтать! – Ахмет ударил плетью лошадь и ускакал.

Последний километр... Через километр под холмом должны увидеть одиноко торчащий в степи навес, крытый шифером, продуваемый со всех сторон. Всех троих зазывно влечет вперед призрачная надежда, что там стоят машины с водой. Шоферы знают, когда чабаны по указанию начальников отправились на кочевку, и соответственно этому, вычислив время на дорогу и расстояние, встретятся с ними на этом самом отрезке пустыни или, если чабаны ушли вперед, нагонят их по песку. Это не одиночная отара, а множество следующих одна за другой – целый караван, так что они в поле зрения начальников, без воды их не оставят.

А их троих пуще всего изморил последний километр... Единственная надежда в этой бесщадной пустыне, опаляющей все своим адским дыханием, –

на километр пути, что осталось преодолеть. Вскоре солнце окажется в зените. И тогда полуденный жар обожжет так, что, кажется, расплавится даже камень – попробуй вытерпеть его!

Да, когда напечет полуденный жар, почитай что на самой твоей макушке разгорится пламя, а пятки будут обжигать красные уголья пустынного костра, где ты и изжаришься живьем. Полуденная жара самая что ни на есть окающая, самая злобная сила, которая не успокоится, пока не собьет тебя с ног и не лишит сознания... Саян как-то читал про эту самую пустыню – Куланшоль, что «именно Куланшоль, – не Кызылкум и не Каракум, – самая жаркая пустыня в Советском Союзе». Что она опаснее даже Долины смерти в Америке. Значит, Куланшоль – это пустыня, которую не всякий может преодолеть, а только самоотверженные и сильные духом люди и те, у кого нет иного выхода, как пройти ее, так что эта великая пустыня – смертельно опасный полигон испытаний для самых смелых мужчин.

Полуденная жара – время, когда дьявольская пустыня находится в самом своем озверелом состоянии и готова испепелить любого. Кто кого переборет? Это решится на последнем километре. Или Куланшоль возьмет верх, или человек...

Наконец вождеденный перевал покорен, и они дошли до ветхого, иссохшего навеса, притулившегося в некотором отдалении от пути на малозаметной куцей балке. Деревянные колодки, выстроенные в ряд, полные посверкивающей воды. Что удивило – в глухой пустыне маячили только два подобия балагана. Растянутый у стены на скорую руку настил был занавешен кусками войлока, где в невесть каком тенечке опочивали погонщики только двух отар. Где же остальные чабаны?..

Оказалось, что овцы тех отар были острижены в последнюю очередь, и они вышли в путь позднее других, а эти откочевали на жайляу пораньше... Вон оно что... Мы-то думали, что отстаем от других только на два дня, а выходит, что передние ушли на целых три дня раньше нас.

«Вот так так! – подумал старик Ахмет. – Что это все значит? Похоже, что Шахан задумал что-то более коварное, чем я предполагал... Хочет, чтобы привычные, обжитые мной в прежние годы пастбища заняли другие? Ох и плут!..»

Избавившись от тисков горбатых барханов, вышедшие на равнины Куланшоля чабаны задыхались свободнее, но все были вымотаны долгим переходом, и никто не горел желанием перебраться даже парой слов.

Хуже всего, когда ты находишься не сзади и не спереди, а в самом центре плетущихся одна за другой отар. Пыль передней отары свивается с густым облаком пыли, исходящим от задних рядов и, сомкнувшись, слившись в одно целое, плотно застилает тебе глаза туманом. И справа – пыль, и слева – пыль, и спереди, и с затылка – пыль. Тесно облепляет веки и ресницы, едва не закрыв напрочь глаза.

Круговерть из пожухлой пыли, все увеличиваясь и растягиваясь, стала похожей на некий плавучий суматошный мир. Густое пылевое облачко, отстающее, тягуче клубясь, позади, чудится живым передвижным пологом, изо всех сил порывающимся поспеть за тобой. Но вдруг оно, словно отказавшись от своего прежнего намерения, пытается подняться повыше, вздымаясь и расправляя крылья. Однако на резкий подъем не хватает силенок, и оно начинает рассасываться и рваться, будто старая марлевая ткань.

Глава XII

Караман тоже ушел. Саян остался один. Волки.

Наконец-то жайляу! Пятикрылая юрта старика Ахмета развернута в горах, у подножья Коксунги. Склоны высоких холмов уходят вдаль – к увенчанным

вечными снегами вершинным пикам горы Коксунги. Непроходимые заросли можжевельника перемежаются узкими тропинками, которые то сходятся на нет, то вновь ширятся и образуют редкие прогалины, покрытые зеленым бархатом, где пасутся овцы. Выше можжевельниковых чащоб, в устремленных к небу заостренными пиками горных хребтах, покоятся сверкающие на солнце зеркально гладкие ледники. И на востоке и на западе теснящиеся громады горных вершин...

Вокруг установленной на небольшой проплешине у подножья горы юрты – густые, едва проходимые заросли трав. После восьмидневных мытарств и удушающего пыльного зноя прохладная улада жайляу, где запах свежих зеленых лугов сладким блаженством наполняет грудь, кажется чудной сказочной страной...

Спозаранку Саян проснулся от дребезжаще гулкого голоса деда. Он громко разговаривал снаружи:

– Я поведу верблюда и сдам его пастухам верблюдов вниз. Нынче они расположились далековато. Вернуться сегодня, наверное, не успею. Получше смотрите за скотом! Караман, ты Саяна не стесняйся подгонять, пусть как следует научится обращаться с отарой. А я, бог даст, завтра ближе к вечеру вернусь.

Он все слышит: «хауп» – это дед залез на коня. «Атчу-атчу» – это Караман поднимает верблюда на ноги.

– Ну, доброго пути!

– Эй-эй, погоди, погоди, кутырь оставил, принесешь нам шубат.

Анар-апа почапала, громко шлепая кожаными галошами.

Гулкий звук конских копыт, утопающих в густой траве, медленно удаляется и утихает...

Еще одна лошадь неспешно прошла перед взором. «Кто-то оседлал бурого жеребца, и он уходит!» – подумалось Саяну. Он укрылся одеялом, спасаясь от утреннего холодка, закрыл глаза, чтобы подремать еще немного, но сон не шел.

Выбрался наружу. Бабушка подсовывала в земляной очаг сухих веточек арчи и в наполовину наполненном казане кипятила козье молоко.

– Бабушка, а где Караман?

Она указала подбородком направо:

– Там он.

Обратив взгляд в сторону пологого склона, расположенного с правой стороны высокого холма, где они вчера нарубили веток, он сразу понял, о чем беспокоится Караман. Боясь, что овцы могут затеряться среди непроходимых зарослей арчи на той стороне, он намеренно повернул отару на лужайку, раскинувшуюся чуть в стороне от холма. Вот он, стоит и оглядывает биноклем окрестности. Кажется, он заметил Саяна, торчащего столбом рядом с округлой юртой, и, повернув коня к нему и двигаясь наискось, стал спускаться по косогору вниз.

Двухлетка-кунан лежал на боку, положив голову на плотный, бледно-зеленого цвета дерн возле зыбкой, светло-зеленой болотистой почвы. Когда Саян подошел к нему, конь встрепенулся и поднял голову, но подниматься не захотел. Видать, хочет отдохнуть как следует после долгого похода.

– Вставай давай, видишь, даже я встал. Пойдем к овцам, – Саян стал гладить кунана по загривку, шее и поднял его на ноги. Надел на голову узду, не взнуздал, а привел и привязал к дереву за юртой. В торбу насыпал небольшим ковшиком овса, отнес ее и надел коню на голову. И пока вернулся Караман, кунан успел подкормиться.

– Ну что, богатырь, встал? – спросил Караман, подвязывая бурого жеребца на коновязь. – Ради тебя пришел. Есть важное дельце. С дедом согласовано. – Посмотрел на наручные часы. – Сейчас десять часов. До вечера ой сколько вре-

мени еще. Я пока съезжу к табунщикам и попрошу у них на время пару лошадей. Наши-то от долгого перехода устали, пусть отдохнут.

– А они дадут?

– Дадут, наверное... Но если нет, задобрю как-нибудь, слышал, что сегодня к ним должен приехать автомагазин, а с ним наш кассир должен зарплату подвезти. Может, девушка-библиотекарша книги привезет. Если кто-то из нас не навестит сегодня табунщиков, многого можем лишиться.

– Выберите хорошую лошадь, самую быструю и сильную.

Караман улыбнулся:

– Да, конечно, они нам приготовили «самую быструю и сильную лошадь», ждут нас не дождутся... – он саркастически хмыкнул. – Думаешь, моего отца табун? Но, разумеется, при всем при том постараюсь выбрать лошадь получше. Надо с ними хорошо потолковать в этот раз, сблатоваться, иначе дела у нас – швах. Раз уж идти к ним... А ты, Саян, вот что, не пускай овец к зарослям арчи, в горах погода переменчивая... Сейчас вот солнце светит, но неожиданно-негаданно может град ударить, ливень обрушиться. Пусть фуфайка и дождевик всегда будут привязаны к седлу. Что-что, а погоду в горах Коксунги я знаю хорошо. Дьявольская!.. В особенности остерегайся арчовых гущ. Если какая овца заберется туда, в дебри можжевельника, найти ее там – адская мука. Ну что, по рукам?

– По рукам.

– Дай пять.

– Держите.

– Ну, теперь наш уговор крепче брони. Седлай кунана и езжай. Через определенное время овцы прилягут на отдых, вот тогда и заскочишь сюда на обед.

Джюкий Караман схватил Саяна, вопреки его сопротивлению, за пояс и, подняв резким движением, усадил в седло. Саян подстегнул коня и двинулся вперед. Караман пошел к бабушке Анар, копошившейся у очага.

– Апа, я съезжу к табунщикам. Слышал, сейчас туда приедут кассир и автомагазин. Что-нибудь вам принести?

– Сейчас, миленький, сейчас. Куда корджун девался? Дай-ка сюда. Купи чаю, сахарку, мыло возьми. Соли, перцу купи. И спички на исходе. Что еще нужно было, дай бог памяти... А, сладкого не забудь, конфет, печеньки там...

Немного удалившись от юрты, Караман слегка подстегнул коня и догнал Саяна. Они направились вкось, к западу от тенистого арчовника, к овцам, белевшим под ближним склоном слоноподобного холма, словно разбросанные по поляне белые камушки.

– Пойдем, покажу тебе наше новое пастбище. Прошлогоднее, конечно, было ровнее, чем это, получше, что и говорить, но мы не успели его занять из-за недавней мороки. Жаль! Ну и ладно, пусть. Не зря говорят, что нет худа без добра. Как-нибудь перебежмся. Не торопись. Еще много времени. Чувствуешь, какой тут чудный воздух, пахнет-то как, а, – словно настоящий кумыс! Правда, немного холодновато, но зато какой вид!.. – Караман, откинувшись назад, стал любоваться бездонно голубым рассветным небом. – Саян, а ты умеешь петь?.. Что молчишь? Ладно, ты еще юн. Но где же нам песни распевать, как не на этом чудном жайляу? – Караман внимательно оглянулся вокруг. – А, хорошо, стесняться некого.

Довольно приятный, бархатистый голос Карамана стал разноситься дрожащими волнами по склонам огромного предгорья.

– О-о, смотри-ка, какое тут красивое эхо! Слышишь?! Коксунги намного выше хребтов Бургана, куда мы взбираемся каждый год. Вон за тем высоким холмом – гряды камней, а ближе к нам – гребенчатые скалы. Вот где надо петь! Просто чудо! Никакого микрофона не нужно. Горное эхо разносит далеко.

Эх, вот бы моя песня достигла ушей Куралай... Э-эх, жизнь, жизнь... – вдруг взгрустнул Караман и мечтательно произнес: – Интересно, о чем еще может мечтать джигит, женившийся на любимой девушке? Я тебе что-то скажу, Саян, никому не расскажешь?

– Не расскажу.

– Мне очень нравится одна девушка.

– Красивая?

– О, еще какая красивая! – Он поднял вверх большой палец. – Во какая!

– Такая маленькая?

Караман захихикал:

– Эх, пацан ты и есть пацан! Дядю хочешь на смех поднять, а? Я имею в виду, что она лучше всех! Сказочно красивая! Беленькая, как снег. Никогда в жизни я не видел такую красавицу.

– Как вы с ней познакомились?

– Дядя Ахмет попросил меня привезти из аульной библиотеки «Героические эпосы» и поэму «Рустем-дастан». Тогда я впервые и увидел ее. Не знаю почему, сразу потерял разум, чуть не упал.

– Девушка, небось, придержала, не дала упасть?

Караман засмеялся пуще прежнего и чуть не захлебнулся смехом.

– Ох и ехидный ты парень, я гляжу! Говорю же, что пацан ты еще. Ничего в любви не понимаешь. Не упал, просто встал как вкопанный и не мог выговорить ни слова.

– Она тоже в таком положении оказалась?

– Ну, нет, конечно. Но я сразу усек, что понравился ей. Улыбается и говорит: «Заходи, дорогуша, не стой в дверях! Как тебя зовут? Какая книга нужна? Спрашивай, не стесняйся!» «Дорогой!» мне говорит, представляешь, прямо за маленького принимает. Я ей про дядюшкино поручение рассказал, а она говорит: «Скоро вместе с автомагазином на жайляу поеду, по просьбе чабанов. Туда и привезу, хорошо? Не обижайся, айналайын, заходи почаще». Никогда девушки не приглашали к себе. Мне и эти ее слова очень понравились, и от нее самой я просто без ума. Представляешь, она сама мне говорит: «Заходи почаще». Значит, она не против. Понравился, наверное. Но, конечно, девушка есть девушка, не может же она прямо так и сказать сходу, что я ей нравлюсь! Даже я ничего не мог сказать ей путного, только молчал и смотрел на нее. О-о-ох, с тех пор не проходит часа, чтобы я о ней не думал. Днем и ночью тоскую по ней. Эх, как жалею, что не смог ей тогда сказать что-нибудь хорошее. Ох, Саян, дружок, как хорошо быть маленьким! Ни по кому, кроме родителей, не скучаешь и ни о ком не думаешь. А вот влюбиться – хуже нету, страдаешь сам по себе, когда все ходят и ни о чем таком и не думают. Хочешь на крыльях полететь к ней, да нет крыльев. Не знаешь, что делать, с кем поделиться своими горестями. Мучаешься, хотя никто тебя не трогает. И что еще плохо, никто тебе и не в силах помочь.

– Почему дедушке не расскажете?

– Вот тебе на! Что я ему скажу?! Я же говорю – в любви еще то плохо, что никто тебе не сможет помочь. Любишь, мучаешься, не можешь забыть, лицо ее все время перед глазами, но не знаешь, что делать, как ей признаться. Так и страдаешь молчком.

– Если она вам так нравится, почему не женитесь?

– Да как жениться... Еще и толком не разговаривал с ней – и сразу жениться?... Все никак не было случая, чтобы с ней поговорить свободно, рассказать о своих чувствах, да и познакомиться поближе. Боюсь даже подойти к ней. Только вот так вот, когда остаюсь один, даю волю чувствам. А когда особенно по ней тоскую, то и выпеваю свои чувства песней. Да только она об этом не знает. Э-эх, вот если бы забраться на самый верх тех седоголовых вершин да запеть во весь

голос, да чтобы вон те бледно-серые облака взяли мои песни в объятия и донесли этой девушке мой тоскующий голос, мои чувства, заключенные в той песне... А когда я закончу петь, пусть бы облака и меня взяли под свое крыло и подняли к небу. А другие облака, что ближе к моей любимой, подняли бы и ее к небесной выси и устроили нам свидание возле самой Луны. Боже, когда настанет такой день? Я так по ней скучаю и тоскую, что порой не только эти горы, но и вся безграничная степь становится для меня тесной. Нынешним годом я дважды к ней на работу ходил. Но всегда вокруг нее крутятся люди и мешают подойти. Позвать ее куда-то не хватает смелости. Вдруг она скажет: «Не лезьте ко мне!» Это же для меня будет смерть. Как потом я смогу ступить по земле?!

Вдруг у него переменялось настроение. Нахмутив брови, он сделал вид, будто вспомнил о чем-то важном:

— Ох, а время-то идет. Могу и не успеть. Говорю же, погода в горах переменчивая. Помни об этом, не забывай. Будь начеку. Ну, давай, оставайся тут за хозяина. Ты уже достаточно большой, так что можно доверить тебе отару. Дядя Ахмет сам попросил, чтобы я тебе поручал ответственные дела.

Караман поехал, подстегивая бурого жеребца легкими оглаживающими похлестами камчи, то и дело оглядываясь назад, будто оставлял позади нечто дорогое и ценное, с чем тяжело было проститься.

Глава XIII

Таинственный всадник. Овцы посреди облаков. Кто следит за ним?

На самом верху высокого холма, где густые заросли можжевельника, все теснее переплетаясь ветвями и стеблями, становились все непроходимее, появился некий всадник, который, подстегнув коня, вступил клином в чащобу. Низко прижавшись к крупу коня, — словно хотел спрятаться от постороннего взора, — стал что-то высматривать на земле. Интересно, что он там потерял?

Вскоре можно было увидеть, что у самой середины горбатой возвышенности, где густые, высокие луга широко раскинулись по склонам зеленого холма, на кунане-двухлетке восседает какой-то мальчишка. На склонах темнеют можжевельниковые кусты вперемешку с затверделыми пятнами низкорослых трав, расцвеченные луговыми цветами. Мальчик, должно быть, понимает, насколько опасна езда на лошади по скользким бокам горных возвышенностей, и потому решил держаться чуть поодаль от низкорослых стлаников на верхнем склоне холма. «Смотри-ка, какой расчетливый!» — благосклонно подумал дюжего телосложения, с серым лицом мужчина на коне.

Мальчик зачарованно рассматривал устремленный в небо и похожий на стелу высокий камень со стрельчатым заостренным верхом, словно ничего подобного ранее ему не приходилось видеть. Таинственный мужчина удивился: «Чего он там интересного нашел?» Там, наверное, нет растущих вроссыпь заманчивых кустиков земляники, которых тут навалом. Если бы он наткнулся на заросли манящих алым цветом и чудным запахом диких ягод, то забыл бы про своих овец. Вон, собрался надеть путы на ноги кунана. Теперь стал залезать на валуны и внимательно, изучающе разглядывать разбросанные по горным хребтам высокие скалы. Что он там ищет?..

Этот мальчуган был Саян...

Серебристо-седые перистые облака медленно, беззаботно плыли, держа путь, по-видимому, к самому краю синего неба, раскинутого безмерным куполом над землей. Непохоже, чтобы дождь собирался. «Повезет ли сегодня?..» Мужчина все никак не мог справиться с нерешительностью и медлил, оглядываясь вокруг в отрешенном состоянии и любуясь, как колышущееся в знойном

воздухе голубое марево дрожливо прячет линии горизонта в полупрозрачном тумане. Постояв немного, двинулся в сторону вязкой темно-зеленой чащобы, решив так или иначе пробраться через них на другую сторону холма – надо только вклиниться в тесные объятия арчовника, а там как-нибудь да выбраться из непроницаемого арчового плена: не может быть, чтобы не нашлось какого-нибудь зазора или щели...

* * *

Иссиня-белые снежные вершины на южной стороне холма все так же высятся с надменно-горделивым видом. Чуть ниже них – громады горных хребтов, устремленные к лазурным небесам. Задернутая дымкой гряда утесов и скалистых хребтов походит на цепочку сторожевых башен, расставленных по определенной задумке и готовых стоять бездвижно на боевом посту хоть сотни, хоть тысячи лет. Камней ниже по склону раскидано не меньше: разных пород и цветов – от их количества рябит в глазах. Пестрые по размеру и виду – от округлого валуна до остроконечных глыб и скальных пород... Мальчик так долго всматривался в них, что у него устали глаза и едва не закружилась голова. Он почувствовал, как едва ощущаемая мягкая сырость коснулась лица – чем выше в горы, тем воздух становится влажнее. Заметно похолодало. Он надел стеганую безрукавку. Шерстяная стеганка, хоть и без рукавов, вполне надежная защита от горной прохлады.

Отара отошла от голодной нетерпеливости, которая довлела над ней в той обширной блекло-желтой долине, что маячит перед дальним горизонтом. Овцы здесь, у предгорных лугов, остепенились – не лезут вперед сломя голову, не торкаются и не тыкаются друг в друга, а, устало подремывая, лежат сплошняком.

После небольшого отдыха на обед бабушка повторила Саяну слова Карамана о возможности резкой перемены погоды в горной местности и поручила не отгонять отару на пастбу слишком далеко.

Едва выйдя из дома, он поразился. Яркое солнце, только недавно бывшее нещадно в виски, отчего у мальчика то и дело взмокал лоб, уже спряталось незаметно куда. Сиявшие яркими цветами и утопавшие в лугах холмы были покрыты тенью и успели принять темно-зеленую окраску. Дымчато-косматые тучи торопливо перемещались, скользя по верхним склонам холмов и наспех укрывая их густыми тенями. Овцы, отойдя в сторону от арчовника, паслись в каменистой проплевине с низкорослой травой, медленно и копотливо карабкаясь к верху холма, и передние из них уже оказались в полупрозрачной гуще бледно-серых туч, проплывающих по низу, по бокам да ногам овец. Их то видно, то нет. Такое впечатление, будто овцы пасутся в облаках.

Саяну никогда не приходилось наблюдать предгрозовые облака сверху, и сейчас он смотрел на это чудное явление со страхом и удивлением. Дальние края тянущихся неразрывной цепью с западной стороны небосклона облачных верениц совсем не видны. И вот густые пологи следующих одна за другой грозowych облаков, с поспешностью набежавших на холм, накрыли двухлетку до запястья, и все, что было ниже, стало недоступным глазу. «Если вдруг сквозь этот туман проберется снежный барс и накинется на меня, я не смогу оказать ему никакого сопротивления. Но снежный барс очень осторожное животное и избегает мест, где находится человек. А то ведь он прыгает на десять-пятнадцать метров, и не то что такой мальчишка, как я, а даже здоровяк Караман ничего бы не смог сделать – барс легко скинет с лошади любого... И все же в горах опаснее всего – волк. В таких случаях, когда тучи закрывают обзор, не увидишь, как, когда и откуда он нападет. Хорошо хоть, что и волк опасается человека», – рассуждал Саян, но в его душе все же таилась опаска.

Когда вдруг задул, завывая, ветер, ударив в лицо влажной, студеной струей, похожей на дыханье волчьей стаи, по его телу пробежала холодная дрожь, он тревожно встрепенулся. Небо к этому времени уже потемнело, и гряды безмятежно высившихся до этого вершин вдруг нахмурились и, насупившись, стали грозно поглядывать вниз.

В мерзлых, отчужденно-мрачных обликах гор довлел гнев и холодная неприязнь. У Саяна громче застучало сердце, он стал сильнее подстегивать куна-на, жалея о том, что за Караманом ушли и собаки. «Если бы они были рядом, было бы не так страшно».

Перевалив за скат холма, он замешкался от изумления – недавно кружившие по небу кучевые, похожие на овечью шерсть пушистые белые облака вдруг понеслись отяжелевшими, сумрачными тучами, превратившись в густой, мышастого оттенка туман, в мгновение ока успев изменить недавний ненаглядно красивый предгорный пейзаж в нечто темное и безрадостное.

Вскоре он достиг отары, пройдя сквозь все более сереющий туман. Даже ближний край отары уже перешел через черту, которую он давеча обозначил для себя. «А где же тогда овцы, которые ушли вперед?» Саян подстегнул двухлетку и забрался на верхний гребень холма. Туман стал намного плотнее и гуще, зарядил затяжной мелкий дождь.

Оказалось, что передняя часть отары уже была близка к тому, чтобы перевалить за взгорок, и Саян, подгоняя овец окриками, свистом да громоуханием консервных банок с камешками внутри, с трудом вернул их назад. Караман предупреждал, что на той стороне холма гладкая скала и глубокая пропасть. Но при таком ползущем тумане, покрывшем плотным пологом все вокруг, обнаружить опасность невозможно. Хорошо, что он успел повернуть отару назад.

Сытые овцы не спешат домой, ступают вальяжным мелким шагом. У Саяна стали сдавать нервы, но он взял себя в руки... Зато кроткие ягнята да козлята с кудрявой мягкой шерстью, не в пример чванливым овцам, гораздо послушнее. Они хоть и намокли сильно от дождя, но виду не подают, держатся. Молча семянят за матками, пощипывая траву и сохраняя благодушный вид.

Саян начал мерзнуть и надел фуфайку, достав ее из дорожной кожаной торбы, пристегнутой к седлу, а поверх фуфайки накиннул брезентовый дождевик. Что хорошо, дождевик был не по размеру длинный и до пят покрывал голенища сапог, не оставляя дождю ни малейшего шанса проникнуть внутрь. От осознания этого факта Саян довольно улыбнулся.

Мелкие капли моросящего дождя громко застучали по капюшону дождевика. Саян почувствовал себя сидящим внутри небольшого домика с куполом из брезента. Надо теперь потихоньку подгонять отару в этом направлении, приближая к подножью. Вести вверх опасно – на западе холм упирается в глубокое урочище, а на востоке перерастает в обширный взгорок с густыми кущами можжевельника. Если отара уткнется носом в тот арчовник и сунется внутрь, то вывести ее из тугой гущины спутанных стеблей, похожих на лохмы свалявшейся шерсти, будет весьма и весьма затруднительно.

С приближением вечера туман стал сгущаться, все больше облачаясь в тусклые одеяния. Дальше ста – ста пятидесяти метров ничего не видно. Мглисто-серый мир вокруг походил на когда-то увиденную во сне сказку, которая вспоминается теперь рваными обрывками. И ты невольно плаваешь в этих размытых видениях. Стараясь избавиться от полусонного состояния, Саян стал разбрызгивать сапогами пропитанную дождем почву, чавкая грязью и распылявая камешки под ногами, но мерклый туман все больше обволакивал его со всех сторон, сужая и уменьшая видимое пространство.

С усердием протерев глаза, Саян начал всматриваться в глухой туман, словно хотел проткнуть острым взглядом его толстый слой... Но куда там? Ничего не

видно – и в небе, и на земле мягкие, пушистые облака, подобные состриженной персти баранов. Саян увидел собственными глазами и убедился в том, что облако – это на самом деле обычный туман, расслоенный на большие комки. Если смотреть издали – это облако, а если оказаться в самой его середине – туман. Разодранный на куски и торопливо несущийся по воздуху холодный пар – это облако, а если плывет по поверхности земли – это туман.

* * *

Был кто-то еще, кто за последние два-три дня внимательно осмотрел все щели и расселины огромного можжевелевого холма. Этот загадочный всадник, таившийся при дневном свете от чужого взгляда, тщательно изучил все возможные входы и выходы из арчовника. И хотя он пришел никем не замеченным и ушел так же незаметно и рассмотрел в подробностях, где и как мальчик пас овец, на душе у него было беспокойно...

Глава XIV

Почему он обманывает? Опасная встреча. Среди табунщиков. Караман получил зарплату.

Когда Караман добрался до аула коневодов в Айгайтасе², табунщики, перекочевавшие сюда гораздо раньше других, давно уже возвели юрты и обустроились. Подготовленных к долгому пути коней своих они отпустили на свободный выпас, сняв сбруи и надев на ноги путы. К коновязи были привязаны десяток кобылиц, жеребята с недоузками стояли отдельно. На дальнем конце юрт – автомагазин. Рядом с ним – «Уазик». «Кто-то из начальников здесь», – подумал Караман.

Из шестикрылой юрты, которая побольше других, раздавались шумные голоса о чем-то гомонящих мужчин и женщин. Караман слегка помедлил, не зная, заходить или нет, но вспомнив, что ему надо быстрее вернуться, несмело ступил в юрту:

– Ассалаумагалеякум!

– Уaleyкумассалам! – дружно ответили несколько голосов.

– А, это ты, – пробурчал кто-то, будто ожидал увидеть кого-то более важного и был разочарован.

В юрте собрались искушенные табунщики. Отослав помощников к табуну, они сгрудились здесь, чтобы развлечься в уединении. Похоже, приезд к ним главного зоотехника Шахана еще больше их раззадорил, подлив масла в огонь азарта. Они только принялись за свежеприготовленный куырдак из сочного мяса ягненка, которого один из помощников доставил от овцеводов и освежевал на скорую руку. И явление Карамана, никем сюда не приглашенного, понравилось не всем из присутствующих, и кое-кто поздоровался с ним весьма прохладно. То, что он без спросу ворвался в юрту, где сидит главный зоотехник, в особенности не понравилось молодой дебелой женщине в синем платочке с распухшим от жира лицом, разливавшей чай. Она чутко уловила недовольство некоторых из сидящих и, решив подыграть им, презрительно выпятила нижнюю губу и с раздражением обратилась к Караману:

– Ой, чтоб тебя... Тебя-то кто сюда звал?! Чего тут слоняешься без дела?! – в ее высокомерном, недовольном голосе слышался явный упрек: «Чего ты ворвался без спросу в дом, где сидят уважаемые люди?! Тебе тут не место!»

Поняв, что «избранные люди» не рады его появлению, Караман застыл в нерешительности, не зная, уходить ему или остаться. В растерянности он решил отшутиться:

– Может, и я тут пригожусь. Подумал, что вы обыскались меня.

Никто от Карамана такой дерзости не ожидал. Все застыли в тревожном ожидании реакции начальника. И тут общее молчание разорвало чье-то тихое, захлебывающееся хихиканье.

«Кто это?» – встрепонулись табунщики и увидели, как главный зоотехник, едва не поперхнувшись чаем, прилег на правый бок и смеется, подрагивая всем телом.

– А я-то думаю, кто это... Ой, не стой, проходи. Подсаживайся! Это, оказывается, Громила самого старика Ахмета. Проходи, проходи!.. – сказал он, натужно тряся плечами в фальшивом смехе.

– Да, его верный пес, – сказал жилистый табунщик, примостившийся у самой двери, с подобострастной улыбкой заглядывая в глаза Шахану.

– Эй, я назвал его Громилой не потому, что хотел оскорбить, я просто подчеркиваю его силу и мощь. Что вы за люди – не понимаете значения простых слов! – Шахан важно сел, выпрямившись.

Мужчина с бутылкой водки в руке наполнил граненый стакан и подал Караману, но тот испуганно замотал головой:

– Не пью, брат, не пью.

– Брось, выпей в честь приезда уважаемого Шахана.

– Никогда в жизни не пробовал, спасибо. Не пью.

– Эй, – недовольно произнес Шахан, – не пьют или больные люди, или нечестные. Ты кто, больной или нечестный? Или ты один тут порядочный среди сплошных алкашей? Смотри-ка, какой важный...

– Нет, я здоров, но честен.

– Да вы посмотрите на него, ехидничает. Надо свалить его и влить водку в рот. Ты кто такой, чтобы ослушаться уважаемого человека?! – высокомерно заявил долговязый парень с холодными впалыми глазами и обвислыми усами. Тастемир, как его звали, был на голову выше всех присутствующих, но его писклявый голос явно дисгармонировал с его ростом, и больно резанул Караману уши, отчего тот невольно прикрыл глаза.

– Да, так и нужно сделать... Правильно, – загалдели хором сидящие.

Двое ражих джигитов, разгоряченные кумысным хмелем и сопревшие от пота, с готовностью вскочили на ноги и резво кинулись на Карамана, только присевшего у входа.

– Сейчас, сейчас, уважаемые, погодите малость. Дайте собраться с духом. Сейчас... Я сам... – залепетал объятый трепетом Караман. Здоровые джигиты придавили его за плечи и не давали свободно дышать. – Дайте сначала я получу свои деньги, а то не буду знать, что и сколько получил и получил ли.

– Во-от, правильно. Это слова разумного джигита. Ну, кассир, давай, расчитай молодца, – обратился Шахан к коренастому с темно-багровым лицом мужчине.

– Нет проблем, готовенько все, – сказал тот и, засунув руку в небольшую квадратной формы брезентовую сумочку, привязанную к поясу и задвинутую к правому боку, достал оттуда аккуратно завернутые в бумагу деньги. – Здесь всех троих вместе. Старшему чабану Ахмету, его помощнику – тебе и сторожи-хе – старухе деда. Вот. Посчитай не торопясь, чтобы потом не возникло недо-разумений.

– Ой, да ладно, ага. Не первый же раз, – Караман быстро расписался за получение, посчитав неудобным пересчитывать деньги на виду у собравшихся. – Не раз получали, – добавил он, как бы давая понять окружающим его людям, что ему не привыкать к этим бумажкам с денежными знаками.

– Ох и молодец! – Шахан захихикал и тут же, нахмутив брови и жестко уставившись на парня, заявил: – Караман давно решил проблемы с деньгами. Ну... Будешь теперь пить али как?

– Сейчас, ага... – Караман лихорадочно думал, как ему избежать этой опасной процедуры. «Как? Сбежать? Не получится – эти стервецы не отпустят далеко. Но какую отмазку придумать?» Вереницы мыслей проносились в его мозгу с невероятной скоростью. «Если взять в рот и тут же выйти наружу, чтобы выплюнуть?» – подумалось ему. В душе он чувствовал, что не сможет никоим образом избежать этого испытания. «Нет никакого выхода, нет!»

Отчего Шахан вел себя залихватски, стараясь показать себя при честном народе в доску своим человеком, простодушным, с открытой душой, рубахой-парнем, – было известно только ему самому. Человек, с которым у него уговор, нынче же должен явиться сюда. Есть тема для обсуждения. Но он что-то запаздывает. Хотя и говорится, что «опоздание путника – добрая примета», но погода неустойчива, сможет ли он чего-нибудь добиться? Свинцовые тучи все густеют, та сторона сплошь закрыта туманом, не помешает ли это ему? Не заблудится ли он?..

– Ассалаумалейкум! – неожиданно раздавшийся богатырский голос в клоушья раскидал его размышления.

– Алейкумассалам, – быстро ответил он. – Оу, Тулебай, вы уже пришли? Все хорошо? Все живы-здоровы?

– Слава Аллаху, – коротко бросил Тулебай и стал по очереди здороваться с поспешно протянувшими к нему руки гостями. – О, Шаке, вы тоже тут. Давно?

– Да, прибыл намеренно, чтобы проведать, как тут дела у людей. Сам-то как тут оказался?

– Пришел получить зарплату. Слышал, что кассир здесь.

– А, да, получи свои деньги, пока не позабыл. У меня к тебе вопрос по хозяйству. У тебя, я слышал, были больные коровы, что с ними стало?

– Сейчас, Шаке, дайте сначала пересчитать свои кровью и потом заработанные, – сказал Тулебай и, расписавшись в ведомости, стал с шуршанием пересчитывать купюры. – Все правильно. Ну, я пошел. Да, кстати, Шаке... некоторые из тех буренок, кажется, плохо перенесли долгую дорогу, неважно себя чувствуют...

– Что ты говоришь?! Ты это... объясни-ка толком... – Шахан с измученным видом тяжело поднялся с места. – Пойдем, у меня в машине кой-какие снадобья есть, возьми с собой. Я же говорил тебе, надо вовремя давать им лекарства, – сказал он, подмигнув ему незаметно для других.

На лету понявший начальника Тулебай стал деланно оправдываться:

– Лекарства кончились, а когда отправлялись на жайляу, впопыхах я и позабыл пополнить их у вас.

Вдвоем они подошли к уазику. Открыв кабину, Шахан для виду вручил Тулебаю свернутую в рулон газету, в которой никакого лекарства и в помине не было, краем глаза опасливо поглядев в сторону юрты, где шумели и гомонились табунщики.

– Говори потише, могут услышать, – сказал он. – Как дела, все сделал?

– Пока ничего не успел. Все удобного случая не было.

– Сегодня самый подходящий день, удобнее не будет. Видишь, погода портится. Карамана я сегодня удержу здесь, чего бы мне это ни стоило. Остальное – за тобой. Тебе разжевывать не надо, надеюсь, не маленький.

Тулебай тут же занегодовал:

– Не маленький, чтобы меня подгоняли.

С возмущенным видом он вскочил на коня и двинул рысцой. Шахан нарочито громко крикнул ему вслед:

– Эй, смотри, это дорогие лекарства, их днем с огнем не сыщешь. Больше не получишь. Давай коровам вовремя, только не забудь размешать с водой.

Тулебай уходил молча, легко подстегивая коня. Шахан не стал мешкать, тут же принялся за реализацию задуманного им коварного плана и стал давать тихомолком распоряжения, – кому-то подмигнул, кому-то указал подбородком. Так или иначе, под его неприметным руководством джигиты вскоре напоили Карамана допьяна. А когда подошло время, Шахан растолкал уснувшего у порога Карамана, не забывая наливать ему в глотку еще водочки:

– Хватит, иди уже, зачем так много пьешь-то, кто за твоей отарой будет смотреть?! – Подталкивая его в спину и деланно поругивая на ходу, отправил парня в обратный путь.

Опьянение до потери сознания Карамана означало одно – он попал-таки в расставленный Шаханом капкан...

Глава XV

Моросящий дождь. Ударил град. В плену тумана. Черное безбрежье. Закуток от ветра. Дракон в небе.

Устрашающе мутное поднебесье заполонили рыхлые, изодранные в клочья, бледно-серые перистые облака, которые неслись по небу, то небрежно отталкиваясь друг от друга, то слипаясь и смешиваясь друг с другом на лету. «Как красивы эти живые картинки!» – подумал Саян, не в силах оторвать взгляда от кочующих облаков. О том, что где-то рядом может подстергать его опасность, он и подумать не мог.

Не испытывали страха и прячущиеся в расселине ближней скалы два злобных волчары. Ожидая удобного момента, они часто вскидывали вверх морды, чутко улавливая далекие запахи.

Буйная речка, бурливо бегущая по дну ущелья, усмирила свой строптивый нрав, несколько замедлив течение, – похоже, что и она заробела нависших над ущельем тяжелых туч. Захлебываясь от тумана, река умерила свой гонор и потекла гораздо тише. Белесый, свинцового лоска туман, зловещей пеленой передвигающийся по низу ущелья, задевая своим выменем поверхность земли, а верхами прорастающий в облачные выси, уже окружил и захватил в свои объятия сосновый бор, а теперь достиг и сплошных можжевельников зарослей на склоне холма пониже и в решительном намерении поглотить и их стал обволакивать и обхватывать арчовник своими влажными щупальцами. Саян почувствовал, как вспотели открытые части тела, и стал легонько протирать ладонью лицо, но водянистое дыхание тумана своим липким касанием все больше увлажняло его.

Он впервые увидел, как небесный свод пришел в движение и превратился в перевернутый мрачный океан. Почувствовал, как все тело начало обдавать холодом от сознания того, что в исчезающем во мгле мире горных вершин он остается один-одинешенек. Самое страшное случится, если вся эта муть превратится в слепой туман, когда не будет видно ни зги. Саян слышал о случаях, когда скот погибал, соскользнув со скалы. Бывало, говорят, и такое, что погибали люди, упав с высокого обрыва. Некий тракторист с нижнего аула вез сено с горных лугов, и на одном из поворотов его прицеп перевернулся и слетел в пропасть. Такие истории на жайляу рассказывают каждый год. Но пока дорога не расширена и остается по-прежнему петливой да узкой, жертв не уменьшится. Однако страдают прежде всего молодые да пьяные ребята, среди опытных чабанов такие чрезвычайности весьма редки.

Мглистый туман, тихой сапой подкравшийся и распластавший клочковатый свой покров на огромное пространство, стал тяжелеть, словно втягивал в себя мельчайшие брызги черного угля. Дымчато-пепельная завеса скрывала теперь и горбатые холмы, простертые понизу заоблачных вершин, подпирающие собой, подобно матице, небесный свод, и исполинские скалы, врезавшиеся

в облака, и сонные ущелья наряду с сумрачными горными теснинами. Все вокруг вдруг потускнело, стало смеркаться. Но и это длилось недолго. Вскоре проснилось.

В эту пору Саян на самом деле не был одинок. Голодные хищники, настырно рыскающие в поисках легкой добычи, в горах не редкость. Пара таких скитальцев денно и ночью шныряла по ложбинам да ущельям, прочесывая каменные расселины и скальные щели, и в итоге притаилась в ожидании жертвы в наилучшем месте для наблюдения – в можжевельной чащобе-арчовнике. После долгого и безуспешного ожидания один из хищников опасливо высунул из-за скученно сросшихся зеленых ветвей свою вытянутую, влажно-черную морду и стал вынюхивать запахи.

Его черномордая с тусклой шерстью подруга с ленцой выглянула из-за кущи, отодвинув шипастые ветви можжевельника, и, с надеждой оглядевшись вокруг, тут же разочарованно отошла в тень, не сочтя нужным показаться во весь рост. Густые овечьи запахи, царившие в этих местах некоторое время назад, были теперь разбавлены дождем и нависшей над холмами ворсистой влагой, но тонкие струйки желанного духа все же доходили урывками до чуткого волчьего обоняния, долетая влажными парами медленно кочующего вплавь по воздуху тумана.

Раззадоренные проснувшимся аппетитом черномордые хищники с опасливой осторожностью продрались сквозь густые заросли арчи и огляделись по сторонам. Мокрая луговина им не понравилась, и они двинулись по склону холма вверх, быстро поняв, что расплывчатый, серо-сизый туман им несколько не помешает. Травленные волчары, чьи ржаво-серые окрасы неплохо гармонировали с окружающей свинцово-серой натурой, стали издали выслеживать мальчика на двухлетке и невольно обратили внимание на то, как мальчик размахивал бичом, громыхая каким-то непонятным, невиданным прежде предметом. А всякая непонятная вещь вполне может таить в себе опасность.

Уставшие от долгого бездвижного лежания среди туманных хребтов, волки, слегка размяв ноги, вновь залегли в укромной нише у подножья холма. Но в застылой безвоздушной ложбинке зорко наблюдать за происходящим вокруг было весьма затруднительно. Оттого ли, но тертые волчары не почувствовали, как в тумане по склону начал спускаться другой всадник. Что он искал в сизой мгле – человека, скот или зверя, было пока неясно.

Глава XVI

Кто кого выслеживал? Черный великан в черном дождевике. Некто исполинского роста.

Дюжего роста черный человек в длинном, ниже колен, брезентовом дождевике, плотно закрывавшем голенища его сапог, сидел на караковой лошади. Впрочем, масть его лошади было весьма трудно определить из-за дождя и тумана – волглое дыхание горных долин хорошо маскирует истинные цвета шерсти животных, то затемняя ее, то, наоборот, высветляя до блеска, так что это могла быть и темно-гнедая лошадь, и бурая или даже мышастая. «Волчье племя опасно именно в такую погоду. Вдруг они помешают моим поискам, выскочив прямо передо мной – что я тогда буду делать? Нет у меня с собой ни дубины, ни укрюка, ни Телячьего Зуба – бича со свинцовым наконечником. А эта камча вряд ли годится на то, чтобы сбить волка с ног...» – подумал Дюжий Черный человек, усмехнувшись. Выбирая между горными стежками-дорожками, вверх и вниз вихляющими по крутым взгорьям и по бугристым, причудливо вздымающимся холмам, по крутым и узким ущельям да скальным выемкам, всадник упорно подыскивал наиболее подходящее для своей задумки место, без усталости и страха

петляя по скользким откосам гор да по крутым склонам оврагов и холмов. Но в какой-то момент, усомнившись, что по такой грязи успеет дойти до намеченного места, он стал подумывать, не вернуться ли ему. И все же желание закончить дело, да еще и азарт, связанный с надеждой на встречу с волком, — просто для развлечения, — заставили его отказаться от этой малодушной мысли. Впрочем, он понимал, что даже если ему и повстречается по пути степной хищник, то догнать при такой непогоде и расправиться с ним будет сложно.

«Времена сейчас такие, — подумал он, — что один следит за другим, а другой за третьим. Нет сомнения, что тот, с бульдожьим носом кряжистый мужлан, спланировавший весь этот его поход — прибытие на жайляу, маршрут следования по горной местности и то, что он должен тут провернуть — хоть мысленно да следит за каждым моим шагом...»

Не выдержавший беспрестанного, неутихающего, напористого натиска затяжного ливня и града густой горной травостой был местами обрушен набок, повалившись на и без того размякшие и разопревшие отложистые тропы. Высокая трава то валилась ровными рядами, тесно прижимаясь к земле, то сбивалась в кучи, клубясь на ветру, и тянулась вперегонку стебельками в длину, словно пыталась утечь вместе с журчащей водой. Крутые откосы превратились в сплошные скользкие лысины, донизу вымоченные ливневой водой.

Всадник старался помочь своей лошади, тяжело шлепающей по глубокой жиже, то и дело поскальзывающейся и едва удерживающейся на ногах, и мягко касался кнутом по шее поглаживающими ударами, предостерегая и подбадривая. Дюжего телосложения Черный Человек шел по незнакомому жайляу весьма осторожно, то и дело озираясь по сторонам, но не сумел заметить Незнакомца во всем черном, который следовал за ним, издали прислушиваясь к чавкающим по грязи ударам копыт его лошади.

Таусогар, мужчина с мощным телосложением в непромокаемом дождевике, доходящем до стroupени, прикрывший лицо черным ситцевым платком, был весьма осторожен.

«Хорошо, что ты караковой масти! В темноте тебя нелегко увидеть, — подумал он, погладив коня по холке. — Тот, что идет впереди, тоже ведь человек, и он наверняка так же осторожничает. Но куда он едет в такую непогоду, что ищет? Непонятно. Сейчас бы ему тихо-мирно в юрте нежиться, разжечь сухой можжевельник в печке да поживать от дел... Так нет, носится тут... Трудно понять таких горемычных людей. Всегда встречаются во что-то опасное, суют нос куда не надо. Но что делать, у каждого свои интересы, свои цели. Иначе ведь и он сам бы не искал на голову приключений, а лежал себе спокойненько в уюте, вкушая блаженство?»

Интересно все же, куда путь держит этот Черный Верзила, а? При такой склизкой погоде — да еще при подъеме по склону вверх — скинуть его с лошади будет зело неудобно. Вижу, что и он не робкого десятка. Может, лучше подкараулить его в ясную погоду? Но в безоблачную погоду тут и народу будет больше мелькать, не один, так другой может меня заприметить. Нет, все же сегодня самый подходящий день, другого такого случая может и не представиться. Только где напасть на него? Где самое удобное место? Этого верзилу свалить с одного удара вряд ли возможно, а что если он сам накинется? Кто кого одолеет? Может, он одолеет меня, но что потом ему делать? Кто бы в этой схватке ни победил, со временем на след виновника преступления непременно нападут и сыщут его обязательно. Следы он, конечно, заметет, но наверняка найдется какой-нибудь дошляк, который дознается до правды — до истинной причины преступления и в конце концов выйдет на злоумышленника. Тот, кто ищет скрытое другим человеком, рано ли, поздно ли... Не-ет, надо искать другие пути. Но что же сейчас делать-то?..

Вон, Черный Верзила даже не шелохнулся, когда его лошадь, поскользнувшись, едва не скатилась по косогору и еле удержалась на скользком склоне. Видно, что настроен весьма решительно и не отступит от своего – упорно движется к цели, несмотря на то, что туманное марево все уплотняется, пыльно-серая мгла сгущается, а смурый день все больше мрачнеет. Но вот он остановился, почему?! Оглядывается по сторонам, что ли? Надо будет притаиться за этим валуном. Если тот, впереди, заметит меня, конец всем планам. Придется поостеречься и втихомолку наблюдать за ним». Тот действительно стал оглядываться по сторонам. «Неужели почувствовал, что кто-то за ним бредет по следу?.. Как бы там ни было, не остается ничего другого, как до поры до времени схорониться за этим большим скальным обломком...»

* * *

Некоторое время назад, когда от кроткого сизого тумана, мягко опустившегося на горные долины, повеяло едва различимой сыростью, он обрадовался, полагая, что при надвигающейся непогоде ему больше повезет. Было интересно наблюдать, как некий волшебник разбрызгивал вокруг мокрую пыль. Затем прозрачный туман стал тяжелеть, набухая прелью, и на глазах перерастать в суровое тускло-серое царство. Пепельно туманясь и все больше ободряясь, потоки мохнатых туч стали распространяться по всему низкому небосклону. Прошло немного времени, как все пространство вокруг, словно околдованное, неузнаваемо изменилось... Сплошное беспросветно-темное полотно, покрывая собой все поднебесье, жадно вбирало в себя даже малые ошметья первоначального белесого тумана. И теперь главное не потерять из виду Черного Верзилу, беззаботно и беспечно трусившего впереди. Бедный, даже не подозревает, что за ним след в след идет сам Таусогар – Человек-Гора...

* * *

Где запад, где восток – различить сейчас трудно. Где север, где юг – тоже загадка. «Да знать все это особо и не нужно, – подумал Саян. – Зачем мне это знать? Заблудиться я не заблужусь, далеко от дома не удаился. Спущусь по склону наискось. Затем без труда перейдем через овражек вниз и, двигаясь по низу можжевельового холма, выйдем напрямик к верхнему правому крылу юрты. Всего-то делов».

Однако ливень стал набирать обороты, застучал град. По всему видать, что скоро туман может рассеяться. Если дождь и град зарядят вперемешку и начнут хлестать что есть мочи, то овцы в поисках укрытия могут сбиться с пути и повалить по ветру в сторону зарослей можжевельника на косогоре.

Поначалу градинки, похожие на белые кукурузные зернышки, посыпались обильно с хлестким и монотонным стуком, но вскоре, укрупнившись до размера овечьих катышков, загромыхали громче и хлеще, с ураганным воем обрушившись на отару. Загозовившие козы двинулись вниз по откосу, съезжившись от холода и ливня. Это и хорошо, поскольку, как бы козы ни суетились, если только доберутся до низины, удачно преодолев опасности, и перейдут через овраг, то доставят отару в целости и сохранности до загона.

Град разбушевался, налетая волнами. Козы лотопились, стараясь спрятаться друг за друга, но, не найдя спасения, вились вьюном. Тут нигде не было таких укрытий, как валуны, что остались там, наверху.

Град смешался вскоре с холодным как лед дождем. Дождевая прохлада стала пробиваться сквозь дождевик и чувствовалась через ватную фуфайку. Когда влага стала пощипывать тело, Саян взбодрился и заладил привычные окрики:

– Чайт, ча-айт!

Овцы, услышавшие окрик, заробели и вместо того, чтобы ускориться, стали топтаться на месте, а вскоре и вовсе остановились. Саяну и раньше доводилось видеть, как от сильного дождя и града овцы теряют ориентацию и как назло топчутся на месте. Он стал неистово громыхать консервной банкой, привязанной на кончик короткого брезентового хлыста. Но овцы уже не шарахались от этого звука как прежде и почти никак не реагировали. Только если подойти совсем близко и греметь прямо над ушами, степенно задирают нос, делают несколько шагов вперед и снова останавливаются. Саян стал чаще и громче лязгать жестяной банкой с камешками. В ясную погоду камешки в банке звенели так громко, что казалось, будто там, в неволе, беснуются черти. Сейчас же гремящие звуки тут же гасились безбрежным шумом ливня.

Вдруг барабанная дробь града обрушилась с новой силой и отодвинула, сведя на нет, холодные струи дождя. Град хлестал по траве и сверкал в воздухе, бил в спину и в голову, но тяжелее всего пришлось недавно постриженным овцам и козам, которые в полной мере ощутили собственными спинами мощь посыпавшихся с неба ледяных камней размером с воробьиное яйцо. Заметались не только прыткие козы, но и более терпеливые и апатичные овцы, слепо торкаясь друг в друга. Даже кунан-двухлетка под ним начал терять выдержку, подставляя круп под град то так, то эдак – такое с ним случилось впервые.

Саян подстегнул своего заробевшего коня и криками стал сбивать в кучу отару, однако передние из овец и коз уже далеко оторвались от основной массы и разбрелись кто куда. Куда именно они двинулись от страха, было невозможно увидеть из-за колыхающегося пред глазами темно-серого марева и сводящего с ума треска града. Такого безжалостного и безостановочного напора ледяного дождя Саяну видеть не доводилось. «Не думал, что он может быть таким мощным», – удивлялся он. Кажется невероятной сама возможность выйти целым и невредимым из-под этого ярящегося приступа шквалистого дождя с градом, который все усиливается и усиливается, словно сама природа решила уничтожить все живое и разнести в пух и прах эти зеленые долины, цветущие луга и горные вершины. Да не только живые существа, но и сами бездвижные горы, которые веками стоят тут с гордо поднятой головой, не меняя стати, сейчас, кажется, чувствуют себя весьма неважно и, испуганно притаившись, переживают страшную непогоду. То ли черный небесный океан раскололся надвое и опрокинулся на землю, то ли белые вершины гор вдруг ледяными брызгами слетают вниз, – бесчисленные мириады белых градин бьются вниз, протянувшись до земли повислыми белыми нитями из прозрачного льда и холодных струй дождя. И невозможно отыскать в этой безумствующей гуще ни маленькой, хоть с мизинец, расщелины...

* * *

Неизвестный Здоровяк в угольно-черном плаще-накидке снял с лица черную ситцевую повязку-маску, все это время плотно прикрывавшую его лицо, оставив только щель для глаз, и, отжав ее как следует, аккуратно свернул и отправил подальше в карман дождевика. Если ненароком уронит ее где-то в этих местах, эта тряпица может сыграть роль главной улики, разве не так?! А сейчас, когда день клонится к вечеру, в маске нет надобности. Если туман и дальше будет спускаться, он не то что не сможет преследовать Черного Верзилу, но и сам едва ли отсюда выберется подобру-поздорову.

Вот те на! Чудеса да и только!.. Метаморфозы необъятного тумана, все сильнее захватывающего пространство между небом и землей, не могут не вызывать страха. Попробуй угадать, что это – обыкновенная причуда природы или настоящее бедствие с непредсказуемыми последствиями? Жуткий мрак, вознамерившийся, как кажется, задушить все живое; черная темница, утопающая в

бездне пропасти – ничего похожего видеть прежде ему не доводилось. Бывало, и не раз, оказываться в белой бушующей пелене бурана, когда не увидишь даже ушей своего коня, или слепого тумана, когда на расстоянии вытянутой руки не видно ни зги. Но такой, усиливающийся с каждой минутой и вмиг расширяющийся, покрывающий тьмой все, что между небом и землей, без единого, даже с иголочную головку просвета туман – нет, с таким явлением он не то что не сталкивался, но даже и не слышал про такое.

Он, наверное, и не поверил бы, если бы кто-то рассказал ему про подобное таинство природы. Сгустившаяся холодная влага стала оседать на ресницах, раздражая глаза; разглядеть черную бездну, находящуюся за мягким черным пологом тумана, стало еще затруднительнее. Не разобрать, что находится в нескольких от тебя шагах. Вокруг тьма-тьмушая, бездонная прорва. Он поднес указательный палец к носу и не разглядел его – это испугало. «Не схожу ли я с ума?» От холодной мысли по телу пробежали мурашки. Нет, он здоров, в руках у него кнутовище из таволги, камча восьмиплетка, на нем – черная сатиновая рубаша, поверх нее теплый белый шерстяной свитер, черная ватная фуфайка, поверх всего надет длинный тяжелый дождевик, поводья у него в руках, он идет сторожко, часто оглядываясь по сторонам, но уверенно, дышит свободно, без страха, и это – он, никто другой.

Кстати, а куда делся Черный Верзила? Все это время он издалека держал его едва различимый силуэт в поле зрения, но вот теперь тот исчез в гуще черной мглы и где, и как теперь его найти? В какой стороне, в каких глубинах этого океана мрака его искать? Они стали полностью невидимыми друг для друга. Может, это и есть то самое подходящее время для решительной схватки? Подстегнул коня. Он не знал, что два голодных волка, почуяв его запах, поджидали его, притаившись невдалеке...

Черный Верзила, впервые столкнувшийся с таким беспросветным сумраком, упорно вбирившим в свой бездонный омут и без того едва различимые очертания окружающего мира, был немало растерян и попридержал коня. Неоглядное море черного тумана, безбрежная черная мгла. Что там впереди и как далеко? Черные глаза Черного Верзилы долго выпаривали по дремучему черному миру, стараясь найти хоть какой-то зазор в сплошной стене безмолвия, но ничего не разобрали. Несколько дней назад ему, привыкшему к неоглядной шири, к бескрайним, раздолжным степным долинам, гряды нависающих горных вершин и бугристых холмов и сжимающие со всех сторон ущелья, лоцины и теснины казались опасной средой, спирающей дыхание и лишаящей человека воли. А эта духота – это ведь настоящая темница. Приходилось слышать, что в горах обитают барсы, но они вряд ли станут нападать на человека. Он сжал в руке толстое, толще большого пальца, кнутовище из таволги и потряс камчой в воздухе. Не зря говорится: «в незнакомой местности много ям да выбоин». Кто поручится, что при такой темени он не слетит с какого-нибудь обрыва?... Будет лучше, если он вернется по своему следу назад, иначе можно напороться на крупные неприятности!..

Все вокруг в хлюпающей воде, довольно сложно разобрать, где он свернул, но ясно одно, что он спускался по косогору, и потому он повернул коня назад и направил его по склону вверх. Тропинка, бурая на покостях, по которой он спускался, превратилась в хлюпающую слякоть; мягкий грунт по краям, перемешавшись с полеглой травой, стал грязным, скользким месивом. Он едва удержал поскользнувшегося коня, который чуть не уткнулся носом в грязную жижу.

Двигаясь по наитию, не стал торопить коня, дал ему время свыкнуться с загадочным и безбрежным туманным океаном, возникшим вдруг, словно из сказки. О том, что два волчары, двигаясь след в след, направились в тугие заросли можжевельника и затем, заметая следы, повернули обратно и залегли

невдалеке от тропинки, за мокрым кустом шиповника, поджидая жертву, он не подозревал. Когда конь под ним, учуяв запах хищников, испуганно вздрогнул и дернулся, он недовольно, едва слышно буркнул: «Да что это с тобой?!» – и не сильно прошелся по боку коня кнутом, отчего тот снова поскользнулся, и, попятившись назад, чуть не распластался по сырой земле...

Ни Черный Верзила, ни Неизвестный исполин в черном дождевике не почувствовали, как некто другой чуть поодаль от них, скрываясь в высоких зарослях арчи и шиповника, следил за ними, стараясь ни на секунду не упустить их из виду. Этот Некто, мужчина довольно крупного телосложения в изрядно намокшей темно-коричневой дождевой накидке, наблюдал за ними давно. Все это время, едва дыша, он прилагал непомерные усилия, чтобы не обнаружить себя, и сейчас счел нужным притаиться ненадолго в закоулке слоистого, непроглядно темного, вязкого тумана. Затем чутко стал прислушиваться к глухому, едва различимому топоту коней.

Волки, выслеживая издали и этих дюжих, как на подбор, всадников, и шуплого, суматошно крутившегося вокруг отары Саяна, и не желая слишком отдаляться от манящего овечьего запаха, стали вихлять и кружиться на расстоянии, позволяющем им в случае надобности быстро достичь любую из высмотренных целей. Хищническая интуиция подсказывала им, что они могут нарваться на легкую добычу, надо только выгадать удобный момент...

* * *

Буйные порывы града, иссякнув, сошли на нет, раскидав напоследок перистые листья рябины по ветру, разломав и притоптав хрупкие стебли и длинные бледно-зеленые листья конского щавеля, примяв к земле отяжелевшую, побитую траву-мураву у горных тропинок, из-под которых сверкают рассыпанными в грязи алмазными крошечками всплески дождевых капель. По горной долине распространилось волглое дыхание размякшей луговины. Удары голубоватых градин, бодро отскакивавших от тела, были довольно увесистыми, но не столь навязчивыми, как этот липкий запах. Но сейчас вместо градин стали частить обжигающие морозцем лицо холодные, тяжелые капли дождя под завывания ветра, исторгаемые свирепой черной тьмой.

Блеяние овец и ягнят, ищущих в тумане друг друга, прекратилось уже давно. Расходящееся по разным сторонам глухое топотанье все удалялось, и Саян растерялся, не зная, что предпринять. Трудно даже предположить, как далеко и куда враспынную ушли овцы. Выбившийся из сил мальчик был в отчаянии. Есть все же надежда на находчивость и жизнестойкость коз – предводителей отары. Если кто-то и может спасти овец от гибели, так это только козы, иначе – дело швах.

Непроглядный дождь, неистовавший, будто вознамерился уничтожить горы, через какое-то время сник и, поморосив недолго, резко прекратился. Саян обрадовался и прищпорил кунана. Однако куда ему направить коня, было все еще непонятно. Он напряг слух, прислушиваясь к блеянию овец к хлюпанью их копыт, но ничего не расслышал. Все давно отдалились и исчезли. Похоже на то, что всякие иные звуки, кроме журчания дождя и перестука градин, были поглощены плотным пологом тумана и похоронены в бездонной пропасти тьмы. Кажется, он остался один-одинешенек в крошечных потемках дремучего, невообразимо далекого, без края и конца, сумрачного океана.

– Ата-а-а! – попробовал он крикнуть что есть мочи, но голос его, захлебнувшись, застыл в воздухе, и это было страшно. Саян ощутил себя на незнакомой, темной, чуждой планете где-то на самом дальнем уголке мироздания, и от этого по всему его телу пробежала холодная дрожь. Может, мир был создан заново, и

место, где он сейчас стоит, превратилось в самую дальнюю точку космической бездны? И выйти отсюда живым-здоровым нет никаких шансов, а?..

Овцы тоже заблудились. Неизвестно, где они теперь колобродят и не разбредлись ли поодиночке куда ноги несут?.. Глухой топот их копыт и редкое покашливание постепенно удалились и давно уже перестали доходить до его слуха. Надо побыстрее найти бедных животных, пока их не растерзали волки.

Саян хлестнул коня по крупу поводьями и, понукая, погнал вперед. Еще не сообразив, куда ему нужно ехать и как ему искать отару, он счел нужным двигаться, а не стоять на месте. Кунан устало, тужась без особого рвения, зашагал по склону вверх, но вскоре, изнурившись от бесцельного блуждания, стал часто скатываться в сторону, по косогору вниз, словно рассудил, что пора возвращаться домой. Вдруг он неожиданно подался вперед, словно споткнулся, и резко, что есть мочи, отпрянул назад. Застыв на месте, втянув живот и задрожав всем телом, на удары кнутом никак не реагировал. Почувяв неладное, Саян насторожился. Ему вспомнились слова деда: «Будь осторожен при непроглядном тумане, сынок. Если заблудишься, дай волю коню. Лошадь – животное умное, не заблудится. И очень осторожное. Берегись падения с обрыва. Немало людей погубили себя по неосмотрительности». Вспомнив дедушкино наставление, Саян больше не стал ни к чему принуждать лошадь, хотя, окутанный густым туманом, не мог предположить, что возвышенность перед ним неожиданно скатывается по крутизне и переходит в скальное образование, и если напрячь коня хлесткими ударами кнута, то неопытный двухлетка не сможет удержаться на скользком склоне, скатится к краю скалы и погибнет, слетев с обрыва.

* * *

Долго выжидавшие момента для атаки волки, словно подгоняя и подбадривая друг друга, вышли из густых зарослей можжевельника и стали шастать по пологому склону холма. Удерживал их страх – людей было четверо. Но почему-то они не держались вместе, между ними было довольно большое расстояние. Они могли окружить их с четырех сторон и загнать в западню. Матерые волчары, не раз спасавшиеся от гибели при налетах охотников, повидали в своей жизни немало подобного рода коварств и были наоумлены опытом, что при выслеживании жертвы нет ничего лучше, чем неспешность. При такой непроглядной полутьме нужно будет подкараулить каждого из них с близкого расстояния, иначе ничего не разобрать. Почему эти четыре человека боязливо сторонятся друг друга и стараются держаться поодиночке?! Почему они так часто останавливаются и напряженно вглядываются в туман? Кажется, что они еще не учуяли следующих за ними волков. Если учуют, поднимут крик, конечно, и устроят облаву. Намерения людей, способы их действий давно и хорошо знакомы серым хищникам.

Острые глаза волков переносились поочередно ко всем четырем объектам их жадного внимания, пронизывая насквозь туманное марево, однако сплошная полупрозрачная пелена все же мешала как следует разглядеть всадников. Вон самый маленький из четверых на лошади размером поменьше остальных застыл у самого края высокого обрыва и может сию минуту слететь вниз – волки, хоть и не видели этого ясно, но чуяли эту опасность свойственной только им, серым хищникам, интуицией. Почему остановился мальчик: испугался или осторожничает?

Некоторое время назад волки были свидетелями того, как Черный Верзила стал загонять назад десяток отделившихся от отары овец, но когда туман вдруг превратился в непроницаемую тьму, растерялся и, не зная, что предпринять, развернулся и ушел в обратную сторону, и эта картина, открывшаяся перед голодными взглядами хищников, немало взбодрила их. В следующее мгновение

конь под Черным Верзилой в брезентовом дождевике соскользнул с тропинки, и он, похоже, испугался чего-то и стал удаляться, направив коня наискось по склону вверх.

* * *

Неизвестный Исполин в угольно-черном, тяжелом от дождя плаще был, похоже, в сильном смятении, оказавшись в плену у неподвижно застывшей дремучей хмури. Двух хищников, выжидающих удобного момента, чтобы напасть, он тоже, конечно, не видел. Он был сам с собой. Почему и он повернул назад? Это означает одно – число возможных преследователей уменьшилось.

Человек, который был значительно меньше телом всех остальных, один. И копытное животное под ним – не чета лошадям трех остальных, крупных, ражих мужиков, – не выхоленный и не такой большой, и, хотя и выглядит бойким, но явно смирный, покорный, обездвиженный конь-двухлетка. Он стоит в нерешительности, не знает, что ему делать. От него, кажется, опасность не исходит. Время нападения приближается!

Глава XVII

Нападение волков. Еще один безвестный всадник.

Непроходимая можжевелевая чаща с причудливо, вкривь и вкось изогнутыми, похожими на оленьи рога и туго, паучьими сетями сплетенными между собой ветвями, застыла с затаенным дыханием, плотно укутавшись в собственные игольчатые листья. И этот дремучий арчовник, готовый стать грудью против любого, кто вознамерится ступить в его владения – царапая лицо, выкалывая глаза или цепляясь за подол острыми ветками – по густоте зарослей ничуть не уступающий джунглям, не меньше тех самых джунглей внушает страх своим суровым и мрачным обликом.

Войти в дебри арчовых зарослей удобно разве что червям и муравьям да змеям, остальным же, в особенности прямоходящим особям, приходится сгибаться в три погибели и ступать мелкими, крадущимися шагами, порою опускаясь на четвереньки. Найти брешь в плотно сросшихся, натуго переплетенных извивах иглистых лапах хвои, чтобы подняться в рост, – дело почти безнадежное. Так же как и обнаружить волчью нору, спрятанную посреди непролазных игольчатых кустов шиповника, буйных зарослей конского щавеля, нежных на вид, но ядовитых кустов крестовника, шероховато-волосистых стеблей мальвы, татарника колючего – вся эта вязкая луговина надежно защищает логово от чужаков.

Выползшие из ямы волчары огляделись по сторонам, вытянув длинные морды вперед. Почувствовав, что опасности поблизости нет, неторопливой рысью направились к арчовнику и вскоре исчезли в его дебрях. До их ушей донесся некий крик. Легкий ветерок, несущийся по ущелью, недавно донес до них созревший запах овечьей стаи. Волки пошли по запаху, но, увидев мальчика на коне возле отары, напасть не решились и, потерявшись издали, покружившись вокруг, так и вернулись несолоно хлебавши в логово.

До этого волки успели полакомиться только прибывшими на жайляу барашками. Теперь они вновь исходили слюной и щелкали зубами. Они не сомневались, что при таком буйном, безжалостно хлещущем граде скот так или иначе будет искать себе укрытие, и некоторые оторвутся от основной массы и, следовательно, так же, как и молодняк и чересчур изнуренные и больные особи, не поспевающие за сумасбродно несущейся отарой, станут легкой добычей. Но травленные, повидавшие виды волчары не спешили – они снова стали рыскать по расщелинам, по логам, по чащобам да зарослям горных ущелий и только затем прилегли под густым арчовником, выжидая удобного часа.

В скором времени их наметанные острые глаза безошибочно углядели, как отара высыпала гурьбой вниз по косогору, и передние уже оказались в ущелье и, опалев от сумасшедших ударов града, стали разбредаться кто куда по низине, а чересчур торопливые и нетерпеливые из овец, еще не доходя до низа ущелины, повалили вразброд по можжевельовому склону в их сторону. Мальчик-чабан остался на дальней стороне холма, но осторожно движется вниз, несмотря на то, что ноги двухлетки под ним часто соскальзывают с мокрой тропинки. Волки решили, что настал удобный момент и, быстро поднявшись, двинулись вперед, но тут же резко остановились. На некотором расстоянии от них по арчовнику удалялся, не обращая внимания на хлещущий град и часто придерживая коня, Черный Верзила в брезентовом дождевике. Волки навестили уши и отступили в гущу зарослей...

А загадочный всадник, вынудивший волков отступить, то и дело прикрывая колени краями плаща, чутко вслушивался в каждый звук, доносящийся из разных сторон горного ущелья. Но в объятиях ровного и громкого треска, заменившего недавние громыхающие удары града, ничего нельзя было различить, кроме урывков слабого детского голоса, доносящегося как будто с помощью чьего-то слабого дуновения.

Вскоре всадник наткнулся на узкую стежку, которая наискось прорезала арчовый холм. Мокрая и полегшая от затяжного дождя и хлобыстающего града, все больше набирающего силу, зеленая луговина на холме и вдоль тропинки стала похожа на покрытый цветными лоскутками скользкий травяной комок, берущий начало с холмистой вершины и тянущийся до самой низины ущелья.

Всадник взял в сторону от колеи тропинки, по которой ехал, поскольку лошадь под ним стала часто поскальзываться, невпопад раскидывая ноги, — хоть и была подкована, — на журчащей под поваленными полосками трав дождевой воде и хлопающей жидкой грязи. Только недавно колыхавшаяся на ветру стена высокой зеленой травы теперь лишилась своей первозданной красоты и лежит на земле плашмя, побитая, смятая неистовыми порывами нежданно нахлынувшего града. То там, то тут темнели какие-то кустища, но все увеличивающаяся серо-бурая мгла не позволяла разобрать, что это — низкорослые ли кусты можжевельника, заросли ли таволги или что-то другое.

Всадник заметил — холмы, накрытые градом, уже достаточно просветлели. Однако град, изрядно ослабев, постепенно перерос в мелкий обложной дождь, а лохматый сизый туман, слегка развеявшись, вскоре снова уплотнился и стал гуще и насыщеннее. Затем начал темнеть и принял бездонный тускло-серый оттенок. Похоже, что наступают вечерние сумерки и густится тьма. Он вспомнил, что впервые находится на этом жайляу, а потому все здесь для него незнакомо и чуждо. И теперь будет трудно вернуться с честью назад. Но конь под ним бывает тут каждый год, и если дать ему волю, то он наверняка не заблудится, приведет куда надо. Успокоенный этим предположением, он спустился к низу холма. Передние ряды отары уже ушли далеко от ущелья, а последних еще не видно. Мальчика не видать. Похоже, он там, внизу, старается собрать разбредшихся овец.

Всадник спешил, но все же решил найти и вернуть в стадо рассыпавшихся и разбредшихся по склонам и низу холма овец, но тех не видно. И в какую сторону, куда их возвращать? Вверх или вниз? Конечно, вниз. С этой мыслью всадник двинулся к середине огромного можжевельового холма, как вдруг снизу слабо донесся хрипловатый голос:

— Ау-у, Саянжа-ан!

Черный Исполин срочно повернул коня в обратную сторону.

* * *

Потревоживший Черного Исполина возглас «Ау-у!» принадлежал бабушке Саяна – Анар-эже, которая вышла встретить внука. Караман, в ожидании которого она проглядела все глаза, вернулся, но не ворочал языком, от него сильно несло водкой. Еле как слез с коня.

– Вот те на, мы думали, ты за отарой пошел... – она удивилась, ведь Караман, не вязавший сейчас лыка, промокший до нитки, не помнивший как добрался до юрты, никогда раньше не пил. Она злилась на него, но помогла сойти с коня и кое-как втащила в дом. И, не видя иного выхода, торопливо оседлала бурого жеребца и поскакала встречать отару.

Глава XVIII

В дебрях непроходимых зарослей. Гибель овец. Снова кинжал. Караман заплакал.

– Ау, миленький, где отара?

Жесткий жестяной голос разбудил Карамана, упавшего мертвецким сном, едва войдя в дом, и дрыхнувшего в одежде, прислонившись к решетчатому остову юрты. Оторвав голову от подушки, он протер рукавом и едва открыл глаза, но ничего толком не разглядел. Съездившись с отсутствующим взглядом, снова протер глаза. Это сон или явь?

– Он что, тронулся умом? – вскипел старик, все больше разъярясь.

– Заболел, наверное, от вчерашнего, – это голос старухи.

Караман вмиг вскочил на ноги, сгорая от стыда:

– Ассалаумалейкум!

– Алейкумассалам, – Ахмет нахмурил брови и спросил холодно: – Что вчера стряслось? Отчего впал в безумство?

– Простите, дяденька, я это... не знаю, что со мной было. Не мог отказать Шахану... хотел уважить его. Черт меня дернул... Не заметил, как опьянел...

– Как ты мог не подумать о том, что Шахан, подонок, зная, что нас обоих с отарой нет, не сотворит какую-нибудь подлость? Ты же не настолько глуп, чтобы не понимать – если напьешься до потери сознания, то можешь по пьяни кого-нибудь покалечить или самого себя угробить?!

– Признаюсь, не подумал об этом, – опустив голову и глядя вниз, Караман не знал, куда деваться от стыда. – Клянусь, дядя, это было в первый и последний раз, когда я выпил. Табунщики свалили меня и стали насильно лить в горло водку. Пришлось глотать, иначе бы захлебнулся. Думал, сделаю пару глотков и убегу домой, но не смог. Они все накинулись на меня и не дали шелохнуться... Что я мог сделать...

– Ладно. Если ты джигит, то сдержишь слово, а если нет... Поживем, увидим, – Ахмет говорил насупленно, угрюмо. – Бурого жеребца привел. Вон, седлай и садись. – Он повернулся к старухе. – Буди Саяна, пойдём искать.

– Что искать? – Караман застыл как вкопанный, не понимая, о чем идет речь. – Кстати, отчего вы так быстро приехали, собирались только сегодня вечером возвратиться?..

– Вчера, после того как ливень после града пошел на спад, я не находил себе места. Боялся, что овцы заблудятся, спасаясь от дождя, и с утра пораньше дернул сюда. Только сейчас добрался. Сразу по прибытии пересчитал овец – шестнадцать голов пропали.

У Карамана екнуло сердце, вмиг ослабли руки и ноги.

– Как это?..

– Откуда мне знать, как это случилось. А-а, Саян... Ты сам встал, ну-ка пойдй сюда поближе.

Саян вчера с трудом заснул, переживая за возможные последствия слепого тумана, и сейчас подошел к деду с робостью, едва передвигая ноги.

– В какое место ты вчера загнал отару на выпас? – спросил дед.

Саян рассказал все детально – где он пас овец, в какой час начался ливень, а потом пошел град, как он прошел через ущелье – в мельчайших подробностях.

– М-м-м... – старик, нахмурившись, задумался. – Если овцы спустились вниз, спасаясь от ливня, то вряд ли останутся на голом склоне. Главное, чтобы они в поиске укрытия и от безысходности не шмыгнули в какой-нибудь незаметный закуток можжевельника. Тогда их найти будет сложно. Но вот твоя бабушка говорит, что тщательно прочесала всю округность. И когда она пришла туда, передняя часть отары уже приютилась в самой подошве арчового холма. Она говорит, что повернула их в сторону дома и пошла в ущелье. Похоже, когда вы двое прочесывали ущелье, какая-то часть овец в поисках спасения ломанулась в гущу можжевельников зарослей. Саян, поди, возьми бинокль, висит наверху остова. Ну, поехали.

Втроем они прошли и обыскали все окрестные каньоны и расселины, а высоты, недоступные для конских копыт, по очереди оглядели с помощью бинокля.

– Ничего не видать. – Старческий хриплый голос Ахмета был горестным, он чуть не скрипел зубами от досады. – Как бы там ни было, придется сначала обшарить арчовник. Если бы они лежали где-нибудь в низине, то сейчас, когда поднялось солнышко, они бы вышли на выпас. А если залезли в арчовник... Ох, не знаю, выберутся ли оттуда живыми?.. Давайте сейчас мы трое будем искать в трех направлениях. Я с того края, Караман посередине, а ты начни с того места, где вчера повернул отару сюда.

– Деда, посмотрите вверх, – Саян указал в небо кончиком камчи.

Над арчовым холмом плавно кружились неизвестно откуда появившиеся большие черные птицы. Коршуны! Судя по тому, как они описывали круги над одним местом, словно наткнулись на добычу, похоже, что вчера на овец напали волки. Обычно эти хищные птицы не задерживаются долго в одной точке и не станут так кружиться, тратя зря время, если только не наткнулись на свежую падаль.

– Черный гриф или стервятник? – спросил Караман.

Ахмет разглядел птиц в бинокль.

– Какая разница, – хмуро ответил он. – Дело швах, ребятки. Эти хищники, похоже, видят мертвый скот и не хотят улетать.

– Может, это чужой скот, или зверь какой... – тихо произнес все еще не потерявший надежду на лучший исход Караман.

– Ох, вряд ли, вряд ли чужой скот или зверь... Да и чужого скота ведь жалко. – Ахмет сокрушенно покачал головой. – А потом, чей скот, кроме нашего, может тут обретаться?! К тому же я никогда не видел, чтобы скот по своей воле влезал в арчовник. Конечно... – сумрачно добавил он, – овцы могли ломануться туда, спасаясь от дождя. Что ни говори, положение тяжелое. Ну, пойдемте. Эти птицы, чувствую, не зря тут кружат...

Они намеревались выйти напрямик к холму, где описывали круги хищные птицы, но сквозь густые можжевельниковые гущи пройти оказалось невозможным. Заросли выглядели как неприступная стена, сквозь которую не пролез бы даже пеший человек, не то что всадник на коне. Лишь на ближнем крае виднелись низко стелющиеся кусты, через которые могла бы махнуть свежая, полная сил лошадь.

Чем дальше вглубь можжевельниковой чащи они продвигались, тем больше стали встречаться высокие, по самое горло человека на коне, с толстыми, тол-

щиной в руку, кронами можжевельники, переплетенные между собой вкривь и вкось столь тесно и столь плотно, что подобную картину, наверное, можно увидеть только в тайге или в джунглях. И как бы ты ни вглядывался в эту гущину, между стеблями не увидишь даже тонкую щель или случайно оказавшийся тут легкий лучик света. Не увидишь и небольших пятен тени. Вместо них, видимо, слили сюда широкой рукой сизо-бурые, темно-синие пологи, которые плотно покрыли собой весь этот арчовник сверху. И похоже на то, что все тени попрятались под сенью густых, в тысячу раз гуще джунглей, зарослей и прячутся там от солнца, пережидая жару.

Три всадника долго обхаживали глухие заросли, выискивая щель, через которую смогли бы забраться внутрь... Через некоторое время они скорее почувствовали, чем увидели некий просвет между кустами. В тесной арчовой гуще обнаружился едва заметный зазор, через который мог бы не без труда протиснуться человек на коне. Недолго думая, все трое последовали в эту щель. Узкая извилистая прощелина часто меняла направление. Если скот забрался в эти дебри, то найти обратную дорогу вряд ли сможет. Густая трава, полегшая после вчерашнего ливня и града, еще не успела выпрямиться и подниматься в рост. И вся зелень тут лежала под ногами.

В поисках потерянного скота они шли по гущине, молча вслушиваясь в порохи, раздающиеся в дебрях арчовника. Погода после вчерашнего ливня стояла прохладная. Сбившиеся в кучи на холмах густые вихрастые вересковые заросли и поваленные ливнем кустарники и пышные травы сводили с ума своим кумысным ароматом.

Чем дальше впахивались они в постепенно возвышающуюся арчовую чашу, тем гуще и сочнее становился душистый горный запах. Упругие ветки, плотно обступившие всадников, не давая двигаться, приходилось отодвигать и выталкивать вперед усилиями лошадей под собой, иначе никак не продвигнуться. Застывшая непреступной стеной густая арчовая чащоба, похоже, не оставляла свободного места даже воздуху, и он становился все более вязким и тяжелым. Саян вспоминал, что в ауле дышится гораздо легче, там, в свободном пространстве, воздух упоительнее и прозрачнее. Он ослабил поводья куна, давая ему возможность двигаться свободно, и часто засматривался на зависших над ним в голубой вершине орлов-могильников и стервятников. Этих хищных птиц обычно видишь редко, но сегодня они, словно сговорившись, кружили слаженно, терпеливо и покинуть облюбованное место, похоже, не намеревались.

Пока ничего стоящего внимания не видно. Все же место, над которым кружили птицы, было в поле зрения Саяна. И они шли туда, то прямо, то вынужденно обходя попутные препятствия в виде непроходимых зарослей. По его расчетам, до намеченного места оставалось совсем немного. Небо, в сплошной бледно-лазурной краске, словно вымоченное в синьке и начисто вымытое, невольно восхищало, радуя глаз своей свежестью и красотой. Нежная, тонкая небесная ширь, прикрытая хрупкой бирюзовой пеленой, казалось, готова зазвенеть и рассыпаться от любого прикосновения.

Увлеченные поиском, они прошли через извилистые тропки и уперлись в непроходимый тупик. Хищные птицы, снижавшиеся, словно намеревались сесть им на головы, вдруг оробели и взлетели вверх, и, все сильнее уменьшаясь в размерах, исчезли за одним из ближних горбатых холмов.

– Уже пришли, смотрите пристальнее, – предупредил Ахмет.

– Как вы узнали, что мы пришли? И куда пришли?

– В то место, над которым вились стервятники, коршуны, – отвечал дед. – Разве не видишь, птицы заметили, что мы добрались в то самое место, которое они караулили, и быстренько удалились прочь.

– М-м-м... видел, конечно.

Обойдя очередной непролазный закоулок, трое искателей пропавшего скота оказались свидетелями ужасной картины. На открытой поляне, на которой могли бы уместиться несколько юрт, лежали останки задранных волками овец. Там и тут валялись разодранные и раскиданные вразброс кишки с потрохами, сочащимися темно-бурой смрадной жидкостью. Разорванные в клочья остатки почек, печени и прочих бараньих внутренностей темнели там и тут, поблескивая застоявшейся грязной кровью. Наспех вырванные позвонки и перебитые ребра с торчащими сломанными костями начисто ободраны от мяса, словно соскребленные ножом. Куда ни повернуть взгляд, бросаются в глаза изодранные в клочья голодными волчищами и превращенные в кровавые лохмотья туши овец. У некоторых выедена мякоть бедра, у кого-то разодраны живьем окорока. Овечьи и ягнячьи головы, не полностью оторванные от туловища и с густо обгаренной кровью шерстью на груди... Некоторые лежат с раскрытыми ртами, обращенными вверх, словно моля о спасении, жалкие, едва живые. Уму непостижимо, как они терпят такие мученья... Подумать только, как беспомощны эти овцы – не кричат и не блеют истошно, зовя на помощь, а лежат бездвижно и безмолвно, понимая свою обреченность и смирившись с неизбежностью смерти. О том, какие страшные муки они испытывают перед смертью, можно было понять по страдальчески поблескивающим глазам полуживой овцы, по затрудненному, мучительному ее дыханию, по ноздрям, которые, то сжимаясь, то раздуваясь, издают агонизирующий хрип. Караман, по своей природе весьма жалостливый к страданиям животных, видя все это и потемнев лицом, не находил себе места и только вскрикивал:

– Ох, изверги, изверги! Будьте же вы прокляты!..

Он отвернулся от невыносимой картины перед глазами, затем, крепко сжав в кулаке камчу с таволговым кнутовищем, подбежал к арчовым деревьям и стал иступленно колошматить по ним кнутом, приговаривая:

– Будьте вы прокляты! Вот вам! Вот вам еще!.. – затем вдруг присел на колени и, упав лбом на траву под ногами, зарыдал горьким, подвывающим стоном.

Саян, не зная, что делать, оглянулся на деда. Тот все так же стоял с насупленным видом и молчал – то ли не хотел выдавать своих чувств, то ли своим молчанием наказывал парня или просто досадовал, непонятно. Чувствовавший и собственную вину мальчик тоже ничего не смел произнести.

Видно, что волчары, дождавшись своих жертв в глухой можжевелевой чаще, безжалостно расправились с ними. Белая овцематка, у которой мясо огузка было вырвано не целиком и свисало на землю, с сочащейся под горлом бурой кровью, с разорванной во многих местах шкурой, увидев людей, попыталась торопливо встать на ноги, но силенок не хватило, и она снова брякнулась оземь. Ноги ее были сломаны в нескольких местах и болтались на весу.

– Волков было двое, – хмуро сказал дед Ахмет, – вот же заразы!..

У Саяна защемило сердце, и он готов был заплакать.

– Гадины! – зло произнес он. – Разве двух-трех овечек не хватило бы им, чтобы наестся?!

– На то они и волки, – Ахмет, не зная кого обругать, едва сдерживал в себе негодование и злость. Его глаза, исполненные яростного гнева, презрительно прошлись по лицам Саяна и Карамана. Оторопевший от сознания своего безысходного положения Караман не смел поднять глаз и только покусывал губы.

– Эти два волчары все шестнадцать пропавших овец загрызли... Ну, пойдемте, что же теперь тут торчать?! – Старик выдвинулся вперед. – Что тут попусту стоять да клясть зверюг... Караман, ты подбери ту полуживую овцу. Зачем оставлять на корм стервятникам... Может, сгодится...

Чувствующие себя виновными двое позади него подстегнули коней, но поравняться со стариком не посмели. Ахмет, злой, как черт, пришпорил коня и вырвался вперед.

Когда овце слегка приподняли голову, ноздри ее жалобно задрожали от боли, и она, в надежде, что люди спасут ее от мучительных страданий, глядела на них умоляюще. Но трое, не в силах вынести раздражающего душу взгляда карих овечьих глаз, только отводили взор. Овца, агонизируя в предсмертных муках, все еще не теряла надежды на жизнь и тяжело, шумно, с хрипом выдыхала и выдыхала. Караман держал ее на руках, словно ребенка. Дрожащим голосом, со скорчившимся от жалости лицом он воскликнул:

– О боже, боже!.. Бедное животное... за что тебе такие страдания?! Как мне тебе помочь? – горестно качая головой и тихо всхлипывая, он чуть не разревелся. – Что мне теперь делать? Собирался жениться... И на тебе... Но я сам во всем виноват. Ахмет-ага мне доверился. А я... Впервые в жизни подвел человека. Стыд-то какой... Как мне теперь расплатиться? Ах, как не повезло! Еще не женился, а уже буду судим!.. Теперь я в тюрьме сгнию, точно. Никогда до этих лет не нарушал закона. Кошмар, какой кошмар...

Саян не знал, что сказать. «Если собрался жениться, пусть бы женился. Какое это имеет отношение к женитьбе?»

– Может... может, и не засудят, поскольку я лишь помощник чабана. Но если пойдет под суд Ахмет-ага или его лишат работы, я все равно буду опозорен. Не-ет, лучше я сам пойду под суд. Все возьму на себя. И в тюрьму сяду. Но... Как быть с Куралай? Дождется ли она меня? И вернусь ли я оттуда живым, это еще вопрос. Это сколько времени-то ей придется ждать... И что? Я сам разрешу ей выйти замуж за другого?.. Как я женюсь на ней? – разговаривал сам с собой дрожащим голосом Караман. Саян сочувственно взглянул на него – его узковатые раскосые глаза едва заметно блестели. Наверное, слезы обиды на судьбу...

– А почему вы не можете жениться? – спросил Саян, искренне сочувствуя его горю.

– Как я теперь женюсь? Шахан, он каждый наш шаг отслеживал, нам теперь житья от него не будет!.. Или под суд подведет, или прогонит подальше от работы с отарой.

Саян ничего не сказал. Да и что он мог сказать – в том, что овцы погибли, виноват именно он. И теперь Караман по его вине не сможет жениться...

– Хотел с этой девушкой библиотечаршей попробовать наедине поговорить... Если она не против, то после возвращения с жайляу думал выкрасть ее... А что получилось...

– Можете же и раньше ее выкрасть?

Караман с мученическим видом развел руками:

– А как теперь со свадьбой быть, когда выкраду?

– А просто, без умыкания, не можете жениться?

– Я слышал от многих, что выкрасть невесту гораздо выгоднее. На сватовство и прочее слишком много средств потребуется. Очень много всяких обычаев, которые нужно будет соблюсти. – Караман так и не перестал хмуриться, хотя воспоминание о девушке должно было рассеять его мрачные мысли. – Я накопил немного денег. Тете Анар передал, чтобы припрятала. Если отдам эти деньги Ахмет-ага, интересно, хватит ли откупиться...

– Не надо ничего давать, старший чабан ведь дедушка, а не вы. Дед сам, небось, заплатит?!

– Да ты что такое говоришь! Это же позор на весь свет! Если бы я не напился в тот день как свинья и вовремя вернулся домой, то все овцы остались

бы целы и невредимы... – Караман готов был заплакать от досады. – Ои-ии-ой... Я, я один во всем виноват!..

Глава XIX Чей кинжал? У норы.

Саян не знал, как его успокоить. Вдруг его взор упал на полегшую, будто кем-то разлохмаченную лужайку – там лежали вразброс комья грязи, прилипшие к подножной траве. В других местах обваленная трава выглядела однородной, нетронутой. «Отчего трава втоптана вместе с налипшей грязью в землю? Почему глинистой грязи больше на поверхности травы? Должно же быть наоборот – грязь снизу, а трава сверху?!» Заподозрив некую каверзу, Саян прищипорил коня. Подъехав близко, он увидел нору с немного обрушенными вверху краями.

– Охо, смотрите, нора. Чья, как думаете?

Караман бросил вялый взгляд и, дернув плечом, прошел вперед. Саян слез с коня и, взяв его за поводья, осторожно заглянул в нору. Она была не узкой и прямой, как сусличья, а выкопана гораздо шире и шла вкосу. Саян не поверил глазам и криком позвал Карамана:

– Дядя, подойдите сюда, я что-то нашел.

– Что там? – спросил Караман, нехотя слезая с коня.

– Вот, след подкованного коня.

– Ну и что, думаешь, тут никого кроме нас не бывает?..

– Поглядите, это не старый след, свежий. Скорее всего, вчерашний. Кажется, лошадь нечаянно просунула ногу в эту нору. М-м-м... – Саян помедлил, кусая губу. – Лошадь упала, споткнувшись об эту ямку. Пониже норы виден ясный след копыта. Видите? Потом она встала. Трава вот тут смята вниз неровно.

– И что такого?

– Посмотрите на лужок, трава взлохмачена, растрепана.

– Может, заблудившиеся лошади...

– А помните, кто-то выслеживал нас по пути и едва не украл наших лошадей? Может, тот человек и до этих мест добрался?

– Да брось ты, кому это надо? Думаешь, есть люди, которым делать нечего?! Разве нормальный, в здравом уме человек потащится в такую даль и будет идти за нами следом? Это, скорее всего, табунщики, которые пониже нас расположились. И, кстати, красть скот удобнее всего у них. Если кто-то позарился на чужой скот, прямо-таки воспылал желанием разжиться чужим добром, то у них, у табунщиков, и крал бы. Это намного легче, чем подниматься сюда!..

– А если этот скотокрад-грабитель имеет зуб на нас и хочет навредить не кому-то другому, а именно нам? Может, он хотел выкрасть овец, да испугался волков и убежал?

– И кто это? Кто, кроме Шахана, таит злобу на нас? А с ним вчера целый день мы вместе водку распивали. К тому же он не какой-нибудь грабитель, что-бы бродить по горам да холмам, он – начальник. А человек, который собрался красть овец, приходит не абы как, а хорошо подготовленным. И волков не испугается. Наоборот, волки станут его пугаться.

– Не знаю, мне показалось иначе... Лошадь упала, просунув ногу в эту нору. Видите, нора тут, сверху, несколько обрушена. Похоже, что и всадник упал вместе с конем...

– Может, эта лошадь была без всадника, сама собой блуждала?

– Если бы лошадь была свободной, без всадника, она не упала бы так резко, кувырком. Видите, лошадь по инерции прошла вот до этого места. Если бы на ней не было всадника, она бы быстро поднялась, только упала бы на колени и

выпрямилась. А тут она прокатилась с согнутыми коленями на довольно большое расстояние, растапывая луг. — Саян снова осмотрелся вокруг норы. Ничего заслуживающего внимания не обнаружил. «Вообще-то это ведь может быть и человек, который вчера во время ливня поскользнулся на скользкой траве и кувыркнулся». Он стал осторожно, двигаясь боком, снижаться по холму. Вдруг взгляд его упал на мокрую, коричневого цвета ситцевую тряпицу. Край свернутой тряпки был развязан и что-то там сверкнуло. Саян тут же поднял сверток и раскрыл его.

Кинжал! Острый, разукрашенный, испещренный разными узорами, с рукоятью из марального рога, красивый кинжал! Кинжал Мырзабек-агай! Саян, увидев кинжал своего учителя, растерялся и опасливо оглянулся назад. Караман был уже на коне и уходил прочь. Саян, взволнованный и пристыженный непонятно почему, не смог произнести ни слова Караману вслед. Он вернулся назад, к краю норы.

«Когда учитель Мырзабек побывал на жайляу? Ни от кого не слышал, чтобы он был тут. Никто, вроде, не видел его в этих краях. Он же в ауле находится. Зачем ему приезжать на жайляу?!»

Не находя ответов на свои вопросы, Саян занялся тем, что еще раз проверил окружность норы. Затем залез на коня и, выискивая во всклоченных зарослях арчи стежку, стал подниматься по ней наверх. После вчерашнего дождя все чудные, с щекочущей нос приятной кислинкой ароматы первозданного жайляу, похоже, спрессованы теперь в арчовом лесу. Облегченный и очищенный ливнем, посвежевший воздух словно опрыскан кумысным запахом. «Интересно, а какой запах у волков? Почему я его не чувствую? — подумал он вдруг. И тут же усмехнулся: — Тогда я был бы собакой, а не человеком». От вида разодранных в клочья трупов овец, кусков ног, обглоданных костей, разорванных ляжек, разбросанных по прогалине, его снова чуть не вырвало.

Через некоторое время выхлывая стежка уперлась в высокую стену из вытянувшихся колом арчовых деревьев. Саян слез с кунана и стал внимательно осматривать низ арчового тупика. Видно, что овцы дошли именно до этого места. Овечьи катышки, мокрые от дождя, еще не высохли, блестят, словно черные бусины и промытые дождем, едва пахнут.

Кстати... Вот так так! Как до сих пор эта мысль не пришла ему в голову?! Даже спасаясь от дождя, все шестнадцать овец никак не могли по собственной воле путаться в извивах зарослей вместо того, чтобы переждать ливень в гуще арчовника! А если предположить, что это волки пригнали их снизу до этого прогала... Нет, такое тоже невозможно. Овцы бы драпали от волков врассыпную и разбежались в разные стороны!..

Кроме того, волки напали бы при первом же удобном случае, а не стали загонять овец в какой-то загон. А всполошившиеся от страха овцы, конечно же, разбегутся вразброс, не станут кучковаться. А значит, это совершенно невозможное дело, чтобы все шестнадцать овечек добровольно сгрудились на открытой поляне, с трудом преодолев для этого узкие щели и закоулки в непроходимой можжевелевой чаще. Значит, кто-то хотел выкрасть овец и специально, насильно загнал скот до этого самого места. А потом, упершись в арчовый тупик, заметался в поисках выхода. В дождливую, темную ночь, обложенный туго сплетенными, густыми, налезавшими друг на друга ветвями, злоумышленник, похоже, растерялся, запаниковал. Не в силах что-либо предпринять, он вскоре махнул на все рукой и отправился восвояси. Судя по этому, человек плохо знал эти арчовые заросли, это жайляу. Если бы разбирался в местности, то не загонял бы сюда овец, а повернул в другую сторону. Или опасался ливня и тумана?

А оставшиеся без хозяина овцы были безжалостно растерзаны волками. Это все они видели сами. На ослизлом лугу после дождя следы конских копыт,

конечно же, плохо отпечатываются. Только когда конь злоумышленника нечаянно наступил на нору, и лошадь и сам всадник упали кувырком, на траве остались кое-какие следы. В суматохе всадник уронил свое оружие. Кинжал соскользнул далеко вниз, и человек второпях, да еще в темноте, под ливнем, найти его не смог. Не обнаружив его вблизи места, где упал, злоумышленник лишился надежды и вынужден был смириться с его потерей...

Причина же того, что в других местах конские следы не обнаружены, в том, что вчерашний густой град вскорости растаял, обмытые дождевой водой заостренные углами концы поваленных трав слегка поднялись, и незначительные следы, оставленные на земле под луговиной, были смыты той же самой дождевой водой и исчезли напрочь. Именно поэтому Саян не смог обнаружить никаких следов, как бы напряженно ни всматривался под ноги...

Но... Кто мог занести кинжал, виденный им в ауле, сюда, в горы? И зачем он его принес сюда? Может, кто-то другой изготовил точно такой же кинжал, как у его учителя? И этот другой подарил его своему знакомому?.. Но кто они? Или, может, сам Мырзабек-агай отслеживает их, преследуя по пятам? Может, именно он развязал лошадиные путы той ночью, а вчера весь день пытался выкрасть овец?! Это он злоумышленник?.. Или, стоворившись с Тулебай-ага, они вдвоем пытаются навредить им? Но зачем, ради чего? Кому и зачем нужно такое вредительство? А сей кинжал – это улика, она понадобится для обличения преступников. Самое интересное в том, как кинжал оказался здесь, на жайляу. Кто и зачем его сюда принес?.. Нет, он нисколько не ошибается. В тот день, когда Адильбек взял его с собой, он видел этот кинжал собственными глазами. Да, да!.. Они оба видели. Это тот самый!.. Тот самый кинжал! Он видел его недавно в ауле...

Глава XX

Учитель Мырзабек. Тот ли кинжал? Неожиданные новости.

В тот день, когда они с Адильбеком возвращались с уроков, тот повернулся к нему, будто хотел что-то сказать, и остановился. Саян понял, что его друг в сомнениях: «Сказать или не сказать?», и спросил напрямик:

– Хочешь что-то сказать?

– Да, сегодня Мырзабек-агай сказал мне: «Если будет время, заходи ко мне». Давай в три встретимся возле этого магазина. Потом зайдем к нему вместе.

– Неудобно как-то...

– Чего неудобного? Я часто у него бываю.

– И скрывал это до сих пор?!

– Да нет, зачем скрывать. Просто думал, попозже скажу. Но ты же скоро уедешь с дедом на жайляу, поэтому лучше сегодня пойдем к учителю.

* * *

– Ты интересный какой, – сказал Адильбек, заметив, что Саян все еще чувствует неловкость. – Что зазорного, если мы посетим учителя? Мы даже к нему домой не станем заходить, просто поговорим во дворе. У него там, в углу, своя мастерская есть, посмотрим на нее. Если что-то надо делать, он сам нас научит. А так просто посмотрим и уйдем.

– Тогда зачем время зря тратить?!

– Ну как... Он же попросил зайти... Но я и сам не знаю, зачем он приглашает.

– Но, наверное, догадываешься?

– Это мы там проверим. Если расскажу по дороге, пропадет весь интерес.

* * *

В большой, в три окна, мастерской учителя было довольно светло. Он в фартуке держал в руке увесистый деревянный молоток и, увидев ребят, бросил его на деревянный верстак, воскликнув:

– Заходите, ребятки, заходите! Как говорится, молодым всегда найдется дело. Это хорошо, что ты захватил с собой Саяна. Отныне ты не будешь один заниматься своим делом, покажешь и ему, как и что делать. Конечно, я и сам его кое-чему обучу. Но будет лучше, если вы будете мастерить вместе.

– Учитель, Саян не знает, чем мы тут занимаемся.

– А что тут скрывать? Вот, погляди, – учитель взял в руку кусок древесины, что-то напоминающий по форме. – Это домбра – настоящий двухструнный музыкальный инструмент, который сейчас мастерит Адильбек. Из цельного куска дерева вырубает. А теперь посмотри на эти вещи... Вообще, книжные полки бывают разные. Вот эта называется этажерка. Тебе не мешает знать такие вещи. Это тоже Адильбек изготовил.

Саян оглянулся на своего друга, чьи кудрявые, как у каракулевого ягненка, волосы мягко курчавились, а вздернутый носик и искрящиеся лукавством глаза выдавали довольство. «Это правда?» – без слов спросил Саян, и Адильбек, тоже без слов, но горделиво ответил: «Да!»

Сухощавый, с орлиным носом учитель Мырзабек не обращал на них внимания и говорил как бы сам с собой:

– Мы с Адильбеком уже немало времени работаем вместе. Могли бы и раньше, но то мастерская не была готова, то не хватало инструментов, то материалов... Но сейчас все есть, мы достаточно обеспечены. За лето я многому вас научу. А лучшие изделия, изготовленные вами тут, мы подарим школе.

– А что еще вы изготавливаете? – Саян не скрывал любопытства.

Мырзабек одобрительно кивнул и, резким движением откинув назад свои упрямые черные волосы, довольно улыбнулся. Было видно, что вопрос ученика его обрадовал.

– Идемте за мной. Я покажу вам, что я еще мастерю. – Учитель всегда немного выдвигал губы, когда собирался что-то сказать. – Сгибайте пальцы и считайте. Первое – этот дом-мастерская. Видите же. А теперь входите внутрь.

Втроем они поднялись по лакированной лестнице вверх. Мырзабек подбородком указал на широкую, светлую кухню:

– Все, что видите тут, сделано моими руками.

Посредине кухни стоял широкий, продолговатый четырехугольный стол, на столе – большой поднос, большая чаша-тостаган, длинный астау для мяса, скамейки рядом со столом, разные красивые шкафы по углам – все было сделано из дерева, и все блестело, словно только что доставлено с мебельной фабрики.

Затем учитель провел ребят по другим комнатам. Диван, шифоньер, разных конфигураций мягкие стулья, книжные полки, висящие на ковре камчи с резными кнутовищами...

– Вон те кнуты, что висят на стене, – четырехплетные, шестнадцатиплетные, сорокаплетные – все они тоже произведения рук вашего учителя.

– Вы все это только в одном экземпляре делаете? – полюбопытствовал Саян.

– Нет, конечно. Я много кому разных вещей сделал. Но все свое время работе по заказам посвятить не могу. А вот эти плети я специально отдельно ставил. Думаю, пусть такие, как вы, ребятки посмотрят, может, заинтересуются, и тогда я их научу этому искусству. Иногда я – хвалиться так хвалиться – даже сапоги шью по большой просьбе. Считаю, что человек должен уметь сам делать все вещи, которые ему в жизни могут пригодиться. Умный человек не должен лениться, а должен учиться всему, что по жизни требуется.

Саян вспомнил: когда он был в ущелье Куйгенжар в поисках буренки, он видел там большие следы, затем точно такой же след он обнаружил у болота Батпаккара, и у него закралось сомнение: «Неужели те следы остались после нашего учителя?»

– Саян, ты что, замерз? Весь как-то посерел, – обратил внимание Мырзабек.

«Хочет узнать, о чем я думаю. Если узнает, ничего не скажет. Может, больше сюда и не пустит. Однако по виду ничего не заметно. Не волнуется. Какой хитрован! Мне тоже надо постараться не выдать себя...» – подумал Саян.

– Я не замерз, учитель. Просто... задумался.

– Все-таки, наверное, прохладно тут, в доме. Пойдемте на улицу. Да, вот, кстати, сапоги, которые я сшил. Вот, посмотрите!..

Мальчики внимательно осмотрели сшитые вручную черные кожаные сапоги с высоким голенищем. Адильбек искренне заинтересовался изделием, и посторонних мыслей у него, по-видимому, нет. Саян всмотрелся в сапоги с удвоенным вниманием. Ничем от обычных сапог не отличаются, только вот размер гигантский. Он померил рукой – в длину три с половиной пяди, в ширину – около пяди. К тому же подошвы необычные. Очень похожи на те следы, что недавно очень заинтересовали его. Большая красивая желтая подкова из латуни в форме полумесяца. «Выходит, хозяин тех необыкновенных следов в Куйгенжаре – сам учитель Мырзабек или его хороший знакомый, а может, родственник. Но разве учитель станет красть чужую корову или, тем более, топить ее в болоте? Да ни за что!.. Но, может, в сговоре с каким-то неизвестным нам человеком? Как такое возможно?! Нет, не может быть!.. Но почему подошвы этих сапог так похожи на те самые следы? И одиночный след в пустыне тоже очень похож. Или агай изготовил еще кому-то точно такие же сапоги? Может, он продает такие сапоги?»

– Учитель, неужели вы сами сшили эти сапоги? – спросил Саян, желая проверить свои подозрения.

– Да, я сам их сшил. Если есть желание, могу и тебя научить.

– Много таких сапог сшили?

– Да где время на то найду? Сначала одну только пару изготовил. Не знаю, у кого Шахан узнал, но пристал ко мне с просьбой отдать ему те сапоги, пришлось отдать. Потом нашлись и другие, кто стал мне заказывать такие же сапоги, прослышав о моем мастерстве. Пришлось шить еще четыре пары сапог, поскольку люди очень просили, я не мог им отказать. Хотя, конечно, много времени потратил. С другой стороны, это было полезно, чтобы не потерять навыки. Вы тоже со временем научитесь, если будете прилежны. В некоторых странах дети чистят на улице обувь, чтобы с голоду не помереть, сами ведь знаете, читали, небось.

«Имеет ли Шахан отношение к тем следам, к корове? Если имеет, то какое?.. Возможно ли, чтобы он был в таких сапогах, когда мы искали пегую корову? На берегу Батпаккары остались следы от точно таких сапожищ... Зачем Шахану надевать такие большие сапоги? Может, он хотел свалить вину на учителя? Или учитель Мырзабек считает нас двоих за детей и говорит неправду? Точно ли такие сапоги он шил другим заказчикам? И кто они? Спросить об этом напрямую было бы невежливо...»

Но трудно поверить, что Шахан был в таких сапогах. Преступник наверняка на свое черное дело идет в удобной одежде и обуви. А такие большие сапоги только мешали бы Шахану ходить, они явно не его размера, и он бы только шаркал ногами и спотыкался на каждом шагу. К тому же тот злоумышленник, что исчез мигом, едва заслышав наш свист, явно не похож на главного зоотехника. Толстый, как бочка, Шахан не смог бы так быстро забраться на коня и так же шустро ускакать. Но, с другой стороны, чего не сделаешь ради того, чтобы скрыться от наказания за свое черное дело...

Может, он продал те сапоги или подарил кому-то? Кому? Станет ли Шахан отвечать на этот вопрос, если спросить его прямо? Но если он кому-то продал или подарил их, значит, он не имеет отношения ко всем этим злодеяниям.

Одно, по крайней мере, хорошо – известен человек, изготовивший сапоги. Но кто был в таких сапогах, когда творил свои преступные деяния? Кто бы это ни был, он прекрасно понимает, что совершил преступление, и будет теперь предельно осторожен и скрытен. Найти его будет нелегко».

– Тебе что, не нравится? – неожиданный вопрос Адильбека словно разбудил Саяна.

– Что?

– Вот этот кинжал?

Саян взял в руки узорчатый кинжал с роговой рукояткой.

– Это тоже вы изготовили, учитель?!

Мырзабек улыбнулся:

– Я же только что сказал, что это моих рук дело. И этому искусству я могу вас тоже научить. Мы еще будем делать разного рода инструменты, долота, молотки, пилы и изготовим для них оригинальные рукоятки.

– Здорово. И какие красивые узоры!

– Научу. Всему научу. Главное, чтобы у вас было желание учиться. Не ленитесь, приходите вовремя, и все вам будет доступно. И делать, и красить, и узоры наносить – всему научитесь.

«Вот здорово, – подумал Саян, – никогда не думал, что окажусь среди стольких интересных событий». Больше всего его поразила неординарная хитрость их учителя Мырзабека. Трудно даже подумать про него что-то плохое, когда он смотрит на тебя такими улыбчивыми глазами. Но, если отбросить сантименты в сторону, кто же, как не он, творит все эти злодеяния?! Может, это оттого, что и ему хочется иметь левые барыши? Но что это за барыши? Как он их получает? Может, он связан с какими-то преступниками? Но кто они? Какую выгоду имеют от того, что творят зло? А чтобы просто так, бесцельно делать зло, надо быть, наверное, большим идиотом.

Ох, стоит только попытаться найти ответ на один вопрос, как за ним сразу же появляются сотни других. Наверное, жизнь – это и есть поиск ответов на разного рода вопросы...

Да, он твердо вспомнил, где он видел этот кинжал, но вопросов от этого меньше не стало. Да и загадок еще немереное количество.

*Перевод с казахского – Бораиш КАКЕН.
Под редакцией сотрудников журнала.*

Продолжение в № 5, 2026.